

22

С (книжка)
М 22

ЖОЛОН МАМЫТОВ

РОДНИК
И ОКЕАН

Формуляр книги

С(мир)	455420
М22	Мамонтов К
	и сын
	10с

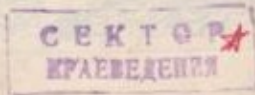
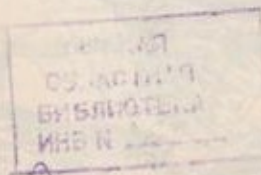
5 стр

СТРОКА

СТРОКА ЛЕТИТ К ЕЩЕ НЕЗРИМОЙ ЦЕЛИ —
ГРЯДУЩИЙ ВЕК РАЗБУДИТ, КАК СРЕЛА.
ЖИЗНЬ, ВДОХНОВЕННЮ ЧУЖДУЮ ДОСЕЛЕ,
В ОДНО МГНОВЕНЬЕ МОЛНИЯ СОЖГЛА.

В НОЧИ БЕЗЛУННОЙ ЧЕЙ-ТО СТИХ НЕРЕДКО
ЗВЕЗДОЙ ПРОМЧИТСЯ ВПЕРЕДИ ТЕБЯ.
КАК БУДТО ПРОЗЫ ЛЕГКАЯ РАЗВЕДКА,
ЛЕТИТ СТРОКА, ТРЕВОЖА И ТРУВЯ.

ОНА — КОСТЕР ПАСТУШИЙ ЗА РЕКОЮ,
КОГДА В ТУМАНЕ ГОРНАЯ ГРЯДА.
БУДЬ Я БЕЗГРЕШЕН ПРЕД СТРОКОЙ ТАКОЮ.
НАВЕРНО БЫ НЕ УМЕР НИКОГДА...

ЖОЛОН МАМЫТОВ

РОДНИК И ОКЕАН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод с киргизского

ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 422420

7-ЛЕТОЧНАЯ ШКОЛА

42.6

284

ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1983

Δ

*Для среднего и старшего школьного
возраста*

Художник А. Мисюрев

Мамытов Жолон.

М 22 Родник и Океан: Стихотворения и поэмы. Для сред. и ст. школ. возраста /Худож. А. Мисюрев; Пер. с кирг. — Ф.: Мектеп, 1983. — 136 с., ил.

В сборнике «Родник и Океан» лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии Жолон Мамытов воспекает подвиг современников, личность человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой своего народа. Как Родник питает Океан, так духовные ценности личности питает народ, — утверждает поэт.

Сборник адресован детям среднего и старшего школьного возраста.

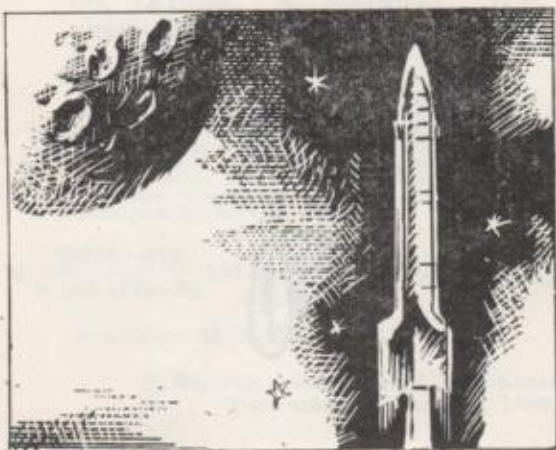
М 70803—315 С(Кирг)2
М 452 (17)—83 196.83.4803010200 ББК 84.98 Км 7

Рецензент М. М. Ронкин.

© Перевод с киргизского. Оформление.
Издательство «Мектеп», 1983 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МЫ НА МАРШЕ

Море времени режет корабль — Земля.
Бесконечно движение, безмерен мир.
Космос пенится за бортом корабля.
«Цель близка», — улыбается командир.

Мы шагаем, и марш нарастает наш.
«Мы сумели, —

сказал командир, —

вдохнуть

Весь огонь нашей юности в этот марш,
Миллионами жизней оплачен путь».

Обновилось дыхание, кровь горяча.
Воля собрана. Брезжит цель впереди.
«Точно выверен курс

рукой Ильича.

Нас не сбить!» — улыбается командир.

Мы на марше. Мы вновь чеканим шаги.
Вьется знамя свободы вольней, сильней.
Смотрят в завтра с надеждой материки.
Человек не страшится грядущих дней.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О кочевые белые вулканы —
Дымящиеся юрты!
В добрый час
Из дальних далей в край благоуханный
Вернулся я, чтоб вновь увидеть вас.
Вы знать хотите,
Что я делал прежде,
Чего искал от отчих гор вдали?
Я сто дорог избородил
В надежде
Постичь законы неба и земли.
Я углублялся в книгу мирозданья,
И каждая страница в книге той
Меж нами сокращала расстоянья,
Вела дорогой,
Солнцем заливной.
Войду я в юрту, отряхнусь от пыли,
Ружье отца поставлю у стены.
И растоплю очаг,
Чтоб горы были
Еще одним огнем освещены.

МОЛОДОСТЬ

Мечта летит — расступилась мгла.
Как солнце, вера в мощь мечты светла.
И юность хочет взмыть к иным вселенным
И выменять у сокола крыла.

Вглядится в даль — безбрежна и светла
Грядущего летящая стрела,

И хочется в объятиях природы
Плескаться, взявши крылья у орла.

И в холоде высот свой жар храня,
Все хочется пройти на гребне дня,
Всю землю, километр за километром,
Взяв скорость у крылатого коня.

Идти потоком, ширясь с двух сторон,
И не свернуть ни разу под уклон.
Живым огнем остаться в сердцевине
Бурлящих и клокочущих времен.

КОНИ

В зрачках коней вращается светило,
В подзорных трубах проскользнул огонь.
О, родина — скакун ширококрылый,
О, мой народ — неустойчивый конь!

Спят кони, спят, и по хребтам сутулым
Струится сон, и свет в зрачках умрет.
Но в свой черед с неукротимым гулом
Готовы кони ринуться вперед.

Крылатые степные ураганы
Над полем протопчут, прогремят.
И дробью гроз рассыплются барханы,
Как в барабанных перепонках град.

Ломали конья древние батыры,
Писали кони летопись подков,

Летели к зорям утреннего мира
Из тьмы веков, из пропасти веков.

Любить коня в степи родной, подлунной
В отцовской юрте приучили нас...
Об упряжи, об утвари табунной
Я выслушал восторженный рассказ.

Я выйду в степь, и солище загорится,
В глазах коней мгновение замрет.
Вскочу в седло, и огненная птица
В конец тысячелетья понесет.

ЦВЕТОПРАЗДНИК

Миндаль порозовел сначала,
Затем украсился урюк,
И время персиков настало,
Веселых вишен ожил круг.

И пчел ненасытны взоры,
И, пресеченные игрой,
Все зимние забыты ссоры,
И свадебный пирует рой.

Сады наполнились цветами,
И, ослепительно-бело,
Весны запылало пламя
И ветви яблонь обвело.

Боярышник и облепиха,
Великолепье диких роз...

Сердца людей смягчились тихо,
Почувяв блеск метаморфоз.

А цветопраздник, долом правя,
К вершинам взмыл, в горах повис,
И засиял в новой славе
И алыча и барбарис.

Нагнувшись,
вижу муравьев ораву,
В густой траве — дороги колея...
Да, видно, здесь они живут на славу,
Как, в меру сил, готов пожить и я.

Столкнулись муравьи... Рукопожатьем
При встрече обменялись два жука...
Вот бабочка, гордясь цветастым платьем,
Бежала из объятий мотылька.

Кладу немного пищи меж камнями,
На длинный след, что вполз в кусты змеясь...
Со всех сторон схлестнувшись глаз огнями,
Чуть зримый мир живет и держит связь.

Перед мышинной норкой — пирамиды
Сырой земли... Здесь крыльев бирюза:
Как Буратино, пляшущий на нитке,
На листьях трав повисла стрекоза.

Вот пауки прядут, покой утратив.
Тут, в паутине, им и стол и дом...
Течет живое время младших братьев
Дорогой, по которой мы идем.

• • •

Этот мир раскалится до самых глубин,
Малой искры довольно, чтоб вспыхнуть ему.
И обрушится драма, какой ни один
Из веков не видал, и в последнем дыму
Затеряется солнце, и месяца клин
Дымный змей обовьет из сожженных долин...

Это старый прием — раздувать уголек,
Если весь не погас... Что ж ты правой руке —
Левой кажешь кулак?! Кто бы, суетный, смог,
На заглавную роль проскочив налегке
И отправив живущих за смертный порог,
Уцелеть в накренившейся в бездну реке?

Видишь — птица летит, слышишь — рыба плывет,
Зверь по лесу проходит, младенец, вздохнув,
Закричал, народившись?..

Неужто начнет
Кто-то грозную драму? Но кто, не моргнув,
Для себя эту главную роль изберет,
Так уверенный в том, что ему — не черед,
Что его одного
Даже смерть обойдет?!

РОМАНТИКА

В пещерах среди гор моих высоких
Красавицы встречаются из сказок.
В долинах среди гор моих высоких
Наездники встречаются из сказок.

На берегу реки сидят старухи,
Невиданные сказочные духи,
И косы над зеркальными волнами
Расчесывают медными ногтями.

И рыбы говорят по-человечьи,
И птицы опускаются на плечи.
В краю снегов и вечного гранита
Седой архар приветствует джигита.

И звезды на седых хребтах алеют.
К ним тянутся мальчишки и взрослеют.
Их чабаны в букеты собирают
И, воззрятся, к ногам невест бросают...

Пусть вечно будет ясная погода,
И смех, и песни вечного народа.
Пусть нерушимо высятся твердыни
Киргизских скал, незблемых поныне.

ГОРЫ

Великие горы, на каждом из ваших камней —
Ветшающий мох. Меж камнями пробилась ростки.
В ущельях — леса, и кустам все тесней и тесней,
В объятьях сцепились, и рукопожатья крепки.

Я сми степей, хребтов, крылатой воли.
 Дух кочевой в седле меня качал.
 «Эй! Догоню!» — так солнцу я кричал...
 Скажи, друг милый: а не оттого ли
 Я ночи никогда не замечал?

ОБЛАКА

Нахлестывая молнию камчой,
 Как легкого, горячего конька,
 Повесив дождь на шею, день-деньской
 Кочуют над горами облака.

Накрывшись материнским чапаном¹,
 Пишу стихи, гляжу в родной простор.
 Навьючив дождь на плечи, за окном
 Кочуют облака над высью гор.

Я из весенней зелени веду
 С осенней стынью спор издалека.
 С дождем в объятьях, с громом в поводе,
 Кочуют над равниной облака.

Уносятся теченьем день за днем,
 Я оглянулся с горечью назад...
 Позванивая ведрами с дождем,
 В широком небе облака парят.

Ч а п а н ¹ — старинная верхняя одежда, каф.

426
 284

ПРИГЛАШЕНИЕ К НАДЕЖДЕ

В горах так первобытно, тихо, звонко
Смеется утро голосом ребенка.
К сияющим зеркальным ледникам
Поедешь ли со мной, моя девочка?

На аргамаках будем мы скакать,
Цветы под самым небом собирать,
И песенкам нехитрым, родниковым
Мы станем, как сердцам своим, внимать.

Забуду все — и подлость и хулу,
Прильну навеки к жесткому седлу.
И буду незаметно превращаться
В большую расточенную стрелу.

Любимая, мы медленно взлетим,
Туда, где мир, как чудо, нелюдим!
С вершины мира в ясный час вечерний
Мы звездные потоки ощутим...

В горах, где первобытно, тихо, звонко
Смеется вечер голосом ребенка,
К мерцающим зеркальным ледникам
Лежит наш путь, красавица девочка.

ВО ВРЕМЕНИ

Что будущая жизнь таит во чреве,
Мы не узнаем — сроки не настали,
В урочное, рассчитанное время
То радости родятся, то печали.

Мысль упадет, как дом в землетрясенье,
И жизнь качнется лампою висячей.
Бесплотное вернется свиденье
И станет явью, чуткой и горячей.

Раздастся чей-то вой многоголосый,
Боль будет нить и горестно и тонко...
Под свадебный платок упрятав косы,
В семью чужую убежит девочка.

Протянешь руку к доле и достатку —
С пустой ладонью подойдет расплата.
Обронишь в поле совесть, как перчатку,
И в памяти поселится утрата.

Как паводок, грядущего задаток
Нахлынет на земные поколения...
Ребенку Завтра дарит сто загадок,
А старику Былое — сожаленья.

ОТКРОВЕНИЕ

Чужих дорог, простите, не приемлю:
По-своему ликую и грущу.
Ищу свою, особенную землю,
Кто знает, отыщу ли, но ищу.

Начертана на точной звездной карте
Седого звездолетчика судьба.
В его математическом азарте
Я узнаю спокойного себя.

Прямой книжал порой тупее слова
Единого. И жизнь — ему цена.
Пряма дорога бытия земного:
Она, как слово честное, — одна.

К рывку готовлюсь. Силы проверяю,
К житейской битве повернув лицо.
Всем грузом чувств ломаю, прорываю
Привычности осадное кольцо.

Идите прочь и ласки и приветы!
Горянки, позабудьте обо мне!
Нежданных странствий первые приметы
Душе моей открылись по весне.

Уйду я, как уходят на работу,
Закончив суматошный институт,
Как за трусливым волком на охоту
Скуластые охотники идут.

Поэт — не раб земли своей суровой.
Поэт — не стихотворный комбинат.
Я присягаю правде Ильичевой!
Ильич — великой мысли космонавт.

Когда учусь у ленинского духа
Единой правде, жесткой и прямой,
Касаются и сердца моего, и слуха
Раскаты Революции самой...

Когда учусь у ленинского сердца,
Нет ей предела, дерзости моей!
Я все могу: введу в полночь солнце,
Нарушу грани суши и морей...

Когда учусь у ленинского слова,
Я вижу, что Поэзия права:
Она — и конституциям основа,
Она — царю и богу голова...

Во всех краях, где имя *Ленин* вечно,
Где, словно луч, — простертая рука,
История светла и быстротечна,
Как времени вселенская река.

Преображает вольницу просторов
ЕГО реальной мысли мастерство.
И с чуткостью сейсмических приборов
Сердца поэтов слушают ЕГО.

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

В белую звезду прицелилась из бездны
Черная звезда, и вечность напролет
Борются лучи; незримый и безвестный,
Не прервется бой во глубине пустот.

Мчатся черноспинной стаей рыбьей
Черные лучи, вонзая острия
В белую звезду, и ходят волны зыби —
Водыбила стремнину времени струя.

Белая звезда сквозит слепым пробелом,
Как потоки крови, хлынули лучи...
Вспыхнет —
И сорвется яблоком незрелым,
Канет, потерявшись в густеющей ночи.

Угол мироздания выжжен углем сжатым,
Черная звезда мигает и чадит,
Занавесом дымным, чернополосатым
Окоем неведомый закрыт.

Но конец насильница чует неминуемый,
Не спасет кольчуга — белая река,
Хлынула громадой, лучевой, могучей,
Двинулась навстречу, и уже близка.

Небо слой за слоем, тучи — ряд за рядом
Гневно пробивает огненный поток,
Черную завесу, пронизанную ядом,
Поперек разрезал, надвое рассек...

В белую звезду прицелилась из бездны
Черная звезда, и вечность напролет
Ворются лучи, и в пустоте безвестной
Длится бой, война незримая идет.

ВЕЛИКОЕ ОЗЕРО

Великое озеро, вытянув руки рек,
На миг прилегло здесь и чудом осталось навек.
Антею-гиганту, который борьбой не пресыщен,
Земля — лишь прибежище,
временный только почлег.

Играет волнами, бросая себя на гранит,
Ворочаясь, воеет, гудит и рыдает навзрыд,
С агонией борется, мечет ветвистое пламя
И в схватке безумной всевышнему гордо грозит.

Встают над утесами сжатых валов кулаки,
Великое озеро бесится, топчет силки.
В широкое небо оно бы шатром улетело...
Веревки опутали — реки тугие крепки.

И я не пойму, что за сила идет на меня,
Нет слов, чтоб окликнуть все то,
что взывает, звеня.

Бегу от округи, заполненной гулом и гамом,
Я, как муравей, уходящий от кромки огня.

ЦВЕТЫ

Ленивый ветер выл,
Покачивая травы,
Кружился мирных пчел
Жужжащий хоровод.
Но взвизгнула коса,
И россыпью кровавой
Усталые цветы
Рассыпались вразброд.
Горела светотень,
Играя на полянах.
Природы важный взор
Упорно наблюдал,
Как девушек толпа,
Задорных и румяных,
Построила скирды,
Воздвигла сеновал.
Лишь много дней спустя
Коров кормило сено.
Благоухал цветок,

Свисая с языка...
И алых лепестков
Перекипела пена,
И хлынула струей
Парного молока.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо освещается циферблатом звезд.
Маятник качается золотой луны.
В эту ночь мы вместе встанем в полный рост.
Дружбе и Согласию мы с тобой верны.
На Земле останусь я,
Только выше туч
Мысль моя уносится.
И не надо слов...
Верю —
Чувство светлое, как надежды луч,
Не угаснет в омуте сумрачных миров.
Тайна в небе скрытая, знаю, велика.
Облака пролетные не прольют ее...
Вечным будет, верю я, пламя очага,
Птичий голос,
Колос,
Черное жнивье...
Пусть же воздух времени, что вдыхаем мы,
В наших легких иглами не посеет страх.
Отмеряет счастье нам из высокой тьмы
Золотистый маятник лунный в небесах...

ПУТЕШЕСТВИЕ

В плену раздумий, на краю равнины,
Где тени бродят и блуждают джины,
Разрушенных когда-то городов
Я воскрешаю мысленно руины.

В чаду базаров, средь столпотворенья,
С историей мне сладостно общенье.
Красавицы старинной юный взгляд
Подарен мне на краткое мгновенье.

Легки движенья, несравненные взоры,
Как струн неповторимые повторы.
Твой нежный лик иль полная Луна
Вдруг населят полночные просторы?

Течение лет и старость отрицая,
Твое лицо во тьме поет, мерцая,
И в этот час тебе посвящены
Мелодии арфы, скрипки и сурная.

Но вдруг исчезла, скрылась в дом саманный.
Мираж обманный, вымысел туманный...
Ну что ж, мое видение, живи,
И доживи до свадьбы долгожданной.

Смотрю вослед, — виденью нет возврата,
И злобный взор угрюмого пансата¹
В меня нацелен, обнажен кинжал...
И вот я отступаю виновато.

¹ Пансат — воин-сотник.

«Прости! Я лишь гошу в твоём цветущем
Столетье, одному тебе присущем,
В твоём жилище пищи не ищу,
И через час исчезну я в грядущем!

Пусть декой любовался я некстати,
Но сердцем чист, на помыслах — печати...»
Паисат был рад. Он улыбнулся мне
И наш союз скрепил в рукопожатии.

Но тут миражи новые поплали,
Верблюдов тучи, караваны пыли...
То возвращался из похода хан,
И трубы войска яростно трубили.

И вот промчалась вереница конных
В крылатых шлемах, в латах меднобронных.
И дети выкликали имена
Своих отцов, забытых, но законных.

Сердца топтались, словно жеребята,
Ломая привязь, сотрясая латы.
На лицах старцев женщины нашли
Черты мужей, столь молодых когда-то...

И ринулась толпа тысячелетий,
В ликующем неколебимом свете.
И время снова убыстряло бег
На этой столь стремительной планете.

Поблекли цепи вымыслов досужих,
Смещение ландшафта обнаружив.
И прогремел призывно телефон,
Как звон колокольчиков верблюжьих...

ГНЕЗДА

Когда смотрю, как птицы гнезда вьют,
Как маленький зверек нору копает,
Как в водорослях стаи рыб снуют
И как трава весной прорастает,
То ощущаю,
Что необходим
Свой малый уголок
Всему живому,
Что есть закон всеобщий,
А над ним
Гармонией —
Любовь к родному дому...
Лишь тот запомнит,
Где и как лежит
Обычный камень
Милого аила,
Чья жизнь вдали
От родины бежит,
Но сердце ничего не позабыло...

ОБРАЩЕНИЕ

Если подросток
обижает слабых,
Остановите —
мудрости во имя!
Завтра он сядет
на кобылу злобы,
Завтра на вас же
кулаки поднимет.

Нежность прекрасна,
 как степные зори.
 Жалость иссякнет —
 и душа застонет.
 Жизнь без любви,
 как колос без зерен,
 Как одинокий
 тополек в пустыне.
 Если ошиблись —
 успокойте нервы.
 Жажду познанья
 ценит край родимый.
 Узкой дорогой
 меж кустов терновых
 Добрые люди
 испокон ходили.
 Жить надо щедро,
 а не то — до срока
 Сгинешь, как лживость
 жадная, тупая.
 Там лишь, где правды
 чистая дорога —
 Жизнь торжествует,
 гибель отступает.
 И повторяю вам
 истину одну я:
 Даже в сраженьях
 не забудьте, люди,
 Кто забывает
 мать свою родиую,
 Тот и святую
 Родину не любит.

ЦЕЛЬ

Хочу будить пространства бездонных глубь,
 И, запылав, земле послать лучи...
 Когда толчет минуты стужа в ступе,
 Хочу услышать чайник на печи.
 Хочу в чабанском запашином тулупе
 Навстречу буре двинуться в ночи.

Хочу, как стебель, выющийся по скатам,
 Привстать, прорваться к солнцу как-нибудь.
 И краткость жизни, ставшей сгустком скатым,
 Руками, как пружину, растянуть.
 Хочу, чтоб сказка мудрым провожатым,
 Как мальчику, мне указала путь.

Принять в какой-то промежутке малый
 Грядущее, как ношу по плечу.
 Мысль вечную.. И через перевалы
 Шагать упорно вслед ее лучу.
 Хочу идти дорогой небывалой,
 Неповторимый путь найти хочу.

ТРИПТИХ

1. Песок

Велик соблазн джинна.
 Я в расщелине скал — и вот:
 Скалы сжимают спину,
 Я перетерт в песок.
 Песок я, песок: ау, ау!

В страданиях моих печальных
Каждую песчинку уйму.
Песок я, песок: ау, ау!
Не в силах пуля никакая
Тело продырявить мое.
Песок я, песок: ау, ау!
Я — расщепленная цельность.
Песок я, песок: ау, ау!
Воедино где и когда я сольюсь —
Песок я, песок: ау, ау!

2. Зеркало

Поклонись мне — зеркало я!
Я — солища осколок святой!
Я — солища осколок святой,
Поклонись мне — зеркало я.
Чтобы превратиться в тебя,
В тысячи осколков расколото я.
И в каждом осколке вижу я снова
Отблески твоего отраженья.
Я — солища осколок святой,
Попробуй, собери-ка меня.
В тысячи осколков расколото я,
И в каждом осколке вижу тебя...

3. Комета

Я — жизнью вспугнутый скакун,
Путь мой безвестен — потерян табун.
Вот-вот обуздают — за мною погоня,
И тут я не сдамся — подамся к морю.

И там, оказавшись у судьбы
в западние,
Без кровавых схваток не сдамся судьбе:
Свобода, нарушив тяжесть земную,
Пропустит меня в жизнь иную.
Я — жизнью вспугнутый скакун,
Путь мой безвестен — потерян табун.

ГОМО САПИЕНС

Вы прожили столько, сколько песчинок в бархане.
И пройденный путь ваш — от земли до звезды.
Вы горя отвели столько, сколько весит земля.
Вы истории написали столько,
уж больше никак нельзя...

Стоите на земле,
Газовой подпираете
Небо, Гомо сапиенс!¹
Земля — лук, вы — стрела,
Пущенная ввысь,
Гомо сапиенс!
Возвращаетесь снова
На землю обыденную,
Гомо сапиенс!
Что вы забыли здесь?
Вы качаетесь на земле-гамаке,
Гомо сапиенс!
Вы прячете в землю
Миллионы тайн,
Гомо сапиенс!

¹ Гомо сапиенс — человек разумный (лат.).

Вы, подобно природе,
Жить можете вечно,
Кроме «не жить», вроде,
Все можете, конечно!

ВХОЖУ Я В ЖИЗНЬ

Бушуй, ветер, осыпайтесь, листья,
Сверли, смерч, небесную синь.
Вой, вьюга, обжигай лицо —
Сегодня вхожу я в жизнь.
Вадымайся, озеро, перевероти
Мою душу,
Будет легче потом,
когда выживу...

Я в жизнь сегодня вхожу.
Пляши, солнце,
И ты, бездна,
Зубы обнажи.
Зардись, заря,
Поцелуй меня,
Судьбу предскажи...

ЮНОЕ ЧУВСТВО

Что за чувство мечется, не дает покоя,
Бьется в нетерпении, жжет огнем своим?
Что гудит в артериях?
Что это такое?
Пульс любви.
Он выверен и неистребим.

Как песок меж пальцами, исчезает чудо.
Словно после праздника, наступает тишь.
Радости в опасностях нищет.
Но откуда
И куда торопится —
Знаешь, но молчишь...
Эта ночь раздумьями пропиталась густо.
И спиралью огненной мысль во мне живет.
Я тебе одной несу зоревое чувство.
Лоб стянуло холодом.
Лик мне пламя жжет.
Дни влачили шершавые, как язык коровий.
Поблудней души моей яростный огонь.
Светлячок, как лампочка, мне светил.
С любовью
Я читал письмо твоё
Величиной с ладонь.
Было в том послании просто все и ясно.
Радость улетучилась, растворилась во мгле.
Тайный смысл меж строчками
Я искал напрасно.
И душа бродяжничала по большой земле...
Шелкопридом в кокон я завернусь потуже,
Шелковой музыкой будет виться нить...
Пережить смогу я и ветра и стужи.
От жары сумею чувство сохранить...

ДЕТИ НА ПРАЗДНИКЕ

Будь Время широкою степью,
То разве
Я с вестью хорошей

Не мчался бы в дали,
 Что ныне планета справляет свой праздник,
 Что первыми
 Дети на праздник пришли...
 Пусть сладости радуют
 Детские лица,
 Пусть смех и улыбки
 Цветут в этот час!
 Ведь, словно весенние, ранние птицы,
 Грядущему
 Дети расскажут о нас.
 В потоке времен
 Не забудут нас дети.
 Пускай человечество
 Мудрым растет.
 И в бурном движенье грядущих столетий
 Всем детям земли
 Будет праздник на свете,
 И Время
 Широкою степью встает...

На Землю падают метеориты,
 Луна и Солнце за приливом скрыты.
 Вода из почвы по стволам деревьев
 Выходит на небесные орбиты.

А чувства наши — нашей жизни крылья,
 Пролита в сердце жажда изобилья.
 Мы век проводим средь дерев зеленых,
 И дереву сродни наши усилья.

Вовеки враг не сломит нашей веры,
Вовек нам светит Солнце в атмосфере.
Пусть всякий человек на свете знает,
Что и ему весна откроет двери.

И пусть летят к Земле метеориты,
Пусть Солнце и Луна в приливе скрыты.
Пусть сок земли восходит по деревьям
И возвращается на звездные орбиты.

ОЖИДАЕМОЕ СОБЫТИЕ

Пусто русло, в нем сегодня не шевелится река,
И дома пусты, и город не гудит издалика,
И пусты его дороги, и машины не спешат,
Почему ушла отсюда жизнь, что строилась века?..

Чем ей город не по праву, не хорош, не подошел?
Что за мертвое молчанье, или шум ушам тяжел?
И его обходят тучи, мчатся мимо облака,
Спят безмолвные базары, небосвод над ними гол...

Русло узкое тоскует по грохочущей воде,
Пустыри, сады, дороги повествуют о беде,
Оттого, что очень скоро,

обратив проспекты в прах,
Хлынет магма огненная и очутится везде...

Здесь, над лавою кипящей многоликий мир протек,
Дети, юноши и старцы жили здесь из века в век...
И когда весь город вышел место новое искать,
Вслед за ним река вдогонку
устредила шумный бег...

* * *

Дождь-крестьянин поливает землю вешнею водой,
Чтоб хлеба стеной стояли,

чтобы в пояс поднялись,
Чтобы травы зашумели, чтобы прутки молодой,
Став зеленою чинарой, уносился круто ввысь.

Град-громила, разрушитель, удалая голова,
Из-за пазухи просыпав дробь полные мешки,
Затекает алые игры, и проросшая трава
Прячет плечи, уши, спины под деревья и стожки.

Так, едва трава проглотит на оттаявшей земле,—
Полной мерой принимает жизни грозные дары.
Дождь ли хлынет благодатный и запляшет по золе,
Град ли грянет оголтелый на поля и на дворы...

Молодое поколение, ты, как свежая трава,
В этот старый мир приходишь и надеешься опять,
И тебя то дождь лелеет, прикасается едва,
То тяжелый град ладонью

хочет в землю затолкать.

УСТАЛОСТЬ

Все ты взяла, что давалось доньше.
В сердце моем ты любовь загасила.
Поле цвело — нынче всюду пустыня,
Вьюжит зима, и весны нет в помине.

Неуследимая счастья растрата...
Все унесло, ничего не осталось.

И ни прощения нет, ни возврата.
Я ль виноват?.. Или ты виновата?..

Если ж взглядеться в себя осторожно,
То лишь упрямство одно обнаружу,
Сами себя мы губили безбожно,
Там, где лишь счастье одно и возможно...

В прежнее русло воды не уложишь,
Прошлого — как ни зови, не вернется,
Вот и тоскуешь и жалобы множишь,
Да ведь слезами теперь не поможешь...

ОСЕНЬ

Боль порой пронзит мне грудь насквозь,
Будто сердце кровью облилось.
Зазвенит веселый смех и смолкнет,
Как листва, опавшая с берез.
Острых молний яростный огонь
Отгорит — и снова тишь и сон.
И беззвучно травы луговые
Тончат осень —
Желтогривый конь.

* * *

Много спутников летает над Землей,
Звездный ширится над полночью прибой.

Одевая ночь змеящимся плащом,
Туча вылилась сверкающим дождем.

Дуб высокий видел много дней и дел,
Вдаль он листьями-очами поглядел.

Видит — всадники минуют перевал,
И один ему навстречу поскакал...

И, отринув размышлений давних гул,
Глубоко-глубоко дуб вздохнул:

«Я, впитавший из земли немало сил,
Многих судеб очевидцем в жизни был,

И пресытился секретами за век...
Неспроста ночами бродит человек».

Так, шепнув, умолкло дерево опять,
Стало встречи с проезжающими ждать...

Только всадники нахлынули гурьбой
И пропали за высокою горой.

«А-а-а, с собрания вернулись чабаны...» —
Дуб промолвил, погружаясь в те же сны...

* * *

Вы — подсолнухи, солнца веселые дети,
Круглолицые, желтокудрые вы,
Поднялись всей гурьбой молодой на рассвете,
Стали солнцу свое поджидать среди листвы.

И оно вас из всех выделяет, похоже,
Шлет вам первый привет среди лесов и полей.

Жить больше других не хочу,
лишних не надо лет.
Пусть же корни мои Времени моет река,
Чтоб унести туда, откуда возврата нет.

Я — незаметный клочок вечного бытия,
Не умалится мир, хоть кончится жизнь моя.
Оставляю только свои ненаписанные стихи,
Никто не напишет их, как написал бы я.

На кручах твоих, Арстанбап, находят снега
приют,
В ущельях твоих века, сменяя века, текут.
В твоей благодатной тени смог бы киргизов род
Устроить всемирный той,
однажды собравшись тут.

Природа, игрою твоей насытиться не могу,
Уеду к тебе, Арстанбап, в чащи твои убегу.
Чем в городе жить и стихи здесь на досуге
плести,
Орехов я соберу, камешков на берегу.

Глянь на горы издалека —
Острозубая гнется пила,
Проливают дожди облака,
С гулом рвутся на зубьях тела.

Вековая твердыня крепка,
Копий вскинутых высверк суров,

И просыпали град облака,
Брюхо грузное распоров.

Островерхие гряды, река,
Дали сказочные видны...
И в долину бегут облака,
Об уступы порвав чаланы.

Нет их белым отрепьям числа —
Над землей проплывают, легки.
Словно сбиты когтями орла
И разодраны на куски.

КРАЯ, КОТОРЫЕ СНЯТСЯ

Простор бесконечный, под ветром бегут ковыли,
Как волны морские, вздымаясь, они притекли,
И лошади грива, и хвост, и лоснящийся круп
Мерещатся в них и мелькают, как будто в пыли.

Близки и вдали — никого. Где-то есть города,
Но я уезжать не хочу никуда, никуда.
Как песня, которая льется сама из груди,
Шумят, проливаясь, и дальше уходят дожди.

Где есть еще небо такое, подобный покой?
Есть ли на свете хоть где-нибудь
воздух такой?

И ведал, что в мире такая должна быть земля,
И зря она спилась, знала и томила тоской.

Нашел я, нашел умиленному сердцу приют:
Простор необъятный и запаха прядного мгла,
И здесь мои дни по-иному теперь потекут,
И кровь моя сдержанней станет,
чем прежде была.

О мало певшем,
о том, чья жизнь иссякла, как час,
Чей путь был недолог, о том,
кто словом народ потряс;
Растаяв,
оставившем нам прекрасных стихов тумен¹,
Начавшем новый путь,
но рано ушедшем от нас,

О поэте
думаю я в плеске пенных гряд,
По берегам хожу, облаком дум объят.
И так же, как в те времена,
когда он на свете жил,
Вкруг озера горы Кунгей и горы Терской стоят...

Туча глянула, как ворог, из-за гор,
И полнеба захватила через миг.

¹ Тумен — многочисленный (кирг.).

Тишина —

как будто прерван разговор...
Меткий выстрел прогремел и цель настиг.

Разом голову крутой горе снесло,
Покатилась эта глыба тяжело.
Все дрожит,

в ушах — щемящий звон,
Негде спрятаться, гроза — со всех сторон.

Шумный ливень и ночная чернота,
Все долины — что речные рукава.
Дождь хлестнул, как будто бил из решета,
Все внезапно озарила синева.

Вновь родился и разросся, величав,
Сам с собой вперегонки промчался гром.
Сердце дрогнуло и сжалось, застучав,
И сейчас же задрожало все кругом.

Ты у смерча на пути не становись,
Он раздавит и пройдет...

Что было сил
Ширь земли перетряхнув и неба высь,
Гул тинулся и все дальше уходил.

ТОТ ГОД

На стыке лет, на переломе сил
Я близость друга въяве ощутил.

И каждый щедро отдал все, что мог —
Кринуцу бед и радости глоток.

И, словно кто-то сзади подгонял,
Как одержимый, я стихи писал.

И все очнулось в зреющей душе,
И я мудрел у дней на рубеже.

Кто переборет горе и тоску?
Лишь сердце сильное, готовое к броску.

И вышло так, что все спалив дотла,
Меня любовь в тот год не обошла...

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Барс ступает осторожно вдоль прибрежных
камышей,
Он луку задеть боится в тонкослышащей воде...
Неохватные пространства стали ближе и слышней,
Их скакун вот-вот достанет
в натянувшейся узде!

Влажный лес пересекая, тигр выходит из кустов,
Он почти царапнул солнце ослепительным
клыком...

Ветер вспыхнувшей тревоги в уши дунул —
будь готов
Неожиданно сразиться с притаившимся врагом!

Кто народы и пространства держит в рвущихся
цепях

Чья жестокость мир объемлет, кто свободы
не дает?

Уж не те ли, что решились,
позабыв и стыд и страх,
Оплатить чужою кровью свой оправданный уход?!

Но под солнцем и луною, где чарует каждый
вдох,
Где четыре миллиарда принимают явь и сон,
Нам не хватит вод великих океанов четырех,
Коль планета запыхает с четырех своих
сторон!..

РАССТАВАНЬЕ С МОЛОДОСТЬЮ

Сказанного слова не вернотишь,
Птицу от небес не отгородишь,
Семена, что в землю проросли,
Не вернешь в колосья, не вколотишь.
Так прощай же, молодость! Прощай!

Нас одна дорога уносила,
Нас одна забота породила,
Как легко мы тратили тогда
Жизни время, молодости силу.
Так прощай же, молодость! Прощай!

Как хотелось к жизни нам пробиться,
Ночь летела, таяла страница,
Сколько сил загублено шутя,
И мечта была готова сбыться...
Так прощай же, молодость! Прощай!

Не письмо, что выброшено нами,
Не кольцо, что потеряли сами...
Это чудо — молодость — спасай,
Как в святом бою спасают знамя!
Так прощай же, молодость! Прощай!

ПОЧЕТ

Толмужи Океву

Жизнь текучей водой движется напролом,
Многое человек познает в себе самом.
Словно прошедшие дни, словно грядущие дни,
Кипят в берегах валы — мы их не повернем.

Уходят, как вихрь, года — ветру хозяина нет.
Строже стали стихи — охладевает поэт.
Словно бы дребезжит расстроенный
старый комуз —
Струны сердца звучат, слабея с теченьем лет.

И постоянно в пути, поиском вдохновлена,
Так что еще подождут старость и седина,
Только надежда, лишь ею мы до конца живем,
Не иссякает вовек и не слабеет она.

Когда твой последний свет вдруг погаснет вдали,
Черное резким лучом от белого отдели.
Оставишь после себя свой труд, как плодовый сад,
Чьи ветви под грузом плодов клонятся до земли.

Так он чудесен, мир, где жизням потери счет,
Что уж родиться в нем — само по себе почет.

Куда ты полон сил,
ума и чувств не лишен,
Попробуй коснуться звезд, если к звездам
влечет.

Палкой грудью вдохни сладостный воздух земной,
Знай, что дыхание в нем ты вечности пьешь самой.
Времени в жертву решишь отдать себя самого,
Бессмертье отвоюй, охваченный вечной тьмой.

Время на счетах стучит, перегоняя нас,
На этом счете следить не успевает глаз.
Так вдруг, возвратившись к нам
из миновавших лет,
Ты же звучит вопрос, который предков потряс.

Самые по временам
прошлого горестный плач,
Он не угасит любовь, пепел ее горяч!
Свободолюб, добру история учит нас,
Чувствам сила дает, мчимся мы с нею вскачь.

Собравшись, кто днем, кто в ночь,
торопятся все подряд,
Словно бы с этой землей откопывать хотят.
Землю, куда ни глянь, ищут люди в пути —
Бездлали коней, и нет доруги назад.

Тронулись в путь и мы, и окошечко открыт.
Навстречу напряжены.
Солище вошло зенит.
Валный ветер степей грудь обдувает.
Мчимся — только летят искры из-под колес.

Ходит, смеется — над нею сиянье!
Улица — словно в цветущем дурмане.
Тронула душу ласкающим взглядом —
Сразу же вспыхнуло пламя желаний.
Где же джигит, о котором вздыхает
Нежная перн, подобная лани?

Что за избранник считает своею
Лань, о которой подумать не смею?
Кто он, владетель бесценного дара?
Где он впервые увидался с нею?
Как мне думать об этом счастливец —
Зачленаю, краснею, бледнею.

Что ж ты одна на дороге застыла?
Где же твой рыцарь — надежная сила?
Может быть, лучшего юношу в мире
Так и не встретила, не полюбила?
Сердце мое утешенно забилося.
Снова я пленна внезапного пыла.

Девичье сердце — гадка и мука.
— Я ли избранник? Не слышу ни звука.
Глаз не поднять. Подойти не решаюсь.
Не разорвать мне запретного круга.
Нет надежды. А в сердце пустынным
Воеет, бушует любовная вьюга.

МОЙ ТУЛЕЙКЕН

В селе, где я родился, заветный бьет родник.
Простор зеленый, юный, ты в памяти возник.
Душа тоскует ночью и к дорогим местам,
Как всадник в чистом поле, несется напрямик.

Я был твоим побегом, был первенцем земли,
Но деревце окрепло, и ветви зацвели,
И стали наливаться тяжелые плоды,
И, градом угрожая, грохочет гром вдали.

Но крепко держат корни меня в коре земной.
Ты грусть моя и радость,

мой Тулейкен родной,
И я себе на плечи взвалил тяжелый груз
Чтоб жить тебе полегче,

чтоб ты гордилась мной.
Прости, гнездо родное, что время и тает —
И рвутся ввысь орлята, взлетают небосвод.
Хоть ты и неприметно, но из твоих же сел
Народ киргизский вышел,

весь наш большой народ.

РАЗГОВОР С РЕКОЙ АК-БУУРА

— Ак-Буура, река, теснущаяся вдали!
О чем твои тоску, о чем твои печаль?
— О, не напрасно стою — мелею на ходу.
Печаль моя том, что в море не впаду.

— Ак-Буура, не плачь, поверь полям родным,
Что каждой каплей ты приносишь пользу им!

Ты — хлопок, ты — сады, ты — колос налитой.
Вместе жету неудач, гордись такой судьбой!

— Согласна и с тобой. Мелею — ну так что ж.
Твоей водой не только город Ош —
И дышала пою киргизские поля,
И воду пьет мою узбекская земля.

Сказала всласть река, что так щедро, —
И дальше понеслась река Ак-Буура.
Вместе простор степей, судьбы не станет клясть,
Вместе и грустно ей, что в море ей не впасть.

Когда из-под снега проклюнется первый
подснежник,
Он просит о помощи, точно забытый ребенок.
Он, как пешеход у кювета дороги поспешной,
Спит, голосует в мороз из последних силенок.

Когда я встречаю невидимые эти цветочки,
Когда их жалею и вечно о том забываю,
Что это они через снежные бури и кочки
Дорогу к весне открывают, к апрелю и маю.

Так пусть же навек расцветает
разведчик-подснежник,
Вместе здравствует вместе
земля и народ мой любимый.
И всякий младенец, спеленутый, громкий и
нежный,
Пройдет по дороге — извечной и необходимой.

АБШИРСКАЯ СКАЗКА

Пока ты жив, соберись,
Съезди в Абшир, и в пути,
Если состарился ты,
Юность свою навести.

Если ты — юный джигит,
Съезди,— даю совет!
Себе самому не лги,
Твердя, что времени нет.

Джигита поторопи,
Красавица, верь мечтам,
Коль съездите вы в Абшир,
Будете счастливы там.

Абшир — это угля клад,
Абшир — обширен и богат,
Как будто бы светом полно
Открытое содицу окно.

Из сердца отвесной скалы
Охажкой летит водопад,
И, кажется, тысячи брызг
Сейчас до луны долетят.

Я помню, как в летний зной
Впервые увидел Абшир.
И днем и ночью вода
Здесь правила пышный пир.

Сюда приезжал я зимой,
Суровой порою земной,

И дивное диво земли
Предстало передо мной.

Как девушка, водопад
Сердце мое пленил,
Зимою этот поток
Еще изумительней был.

Здесь — девушка, не вода!
Платье ее — изю льда.
Раскинула косы свои,
Плещущие струи.

Красавица косы свои
Расчесывала, поверь!
Я рад, что ее увидал,
И счастлив буду теперь.

Пока ты жив, соберись,
Съезди в Абшир, и в пути,
Если состарился ты,
Юность свою навести.

Если ты — юный джигит,
Съезди,— даю совет!
Себе самому не лги,
Твердя, что времени нет.

Джигита поторопи,
Красавица, верь мечтам,
Коль съездите вы в Абшир,
Будете счастливы там.

ТАШКЕНТ

Эскизы

I

Век реактивный,
раскинув крылья,
поднимается в полный рост.
Каждое мгновение
устремляется ввысь.
Свист...
Гигантская белая рыба,
поблескивая брюхом,
бесчисленные судьбы
соединяет.
Каждое мгновенье
прилетает, улетает
век реактивный...

II

Город Ташкент,
мастер — золотые руки,
город-искусник,
хлебосол-город.
Всякая твоя улица приглашает
хлеба-соли отведать.
И вот я кочую
из улицы в улицу.

III

Ташкентский базар —
натюрморт великий.

Художник — Крестьянин.
Тыквы на женщин похожи,
раскидистые юбки
на талии тонкой.
Краски, краски, все краски мира...
Ищешь впечатлений?
Сюда, скорее!
Вот, пожалуйста, — кудри солища,
вот, пожалуйста, — лунное горло.
И в полосатом халате,
подобный арбузу,
автор стоит натюрморта —
Крестьянин.

IV

Дымки днем и ночью
над минаретами,
словно дымки над сигаретами.
Легко на душе
и в легких легкость.
Рабочий народ отдает все силы,
чтоб стал этот город
гордостью нашей,
ни с чем не сравнимой
гордостью нашей.

V

За девушкой милой,
прекрасной как перь,
пошел я по улице, изумленный.
О, природа,
спасибо за то, что дала глаза мне!

И каменный столб
за ней пошел бы,
если бы эту красотку увидел.
Шел я за ней, не отводя взора,
и чуть не попал под трамвай ташкентский.

• • •

Ах, как часто, бывало, мы себе постилали в саду,
А потом среди ночи от дождя убегали под
крышу...
Что ж теперь я нигде этих смолкнувших дней
не найду.
Только светлое чувство в душе постаревшей
колышу.
И куда улетело — как бежал я с ведром
к роднику?
Никогда не вернется — как белье ты на солище
сушила...
Но как в землю ушли — я никак их сдержать
не могу —
Отлетевшие дни...

В чем же их непонятная сила?

Не угасло оно — это время — и я не забыл
Давних дней, что вели только к будущим
сильным зарницам,
Так и тянет вернуться в свой родной,
в свой далекий аил,
Где еще и теперь наша юность святая таится...

* * *

Этой осенью иначе все глазам моим предстало.
В платье солнечного цвета, цвета осени, опала,
Ты явилась — и земля из-под ног вспорхнула
круто,
В сердце ожили мечты, все желанья и начала...

Где взяла ты этот блеск, этой прелести
кромешность,
И откуда у меня сил нежданная безбрежность?
Значит, впрямь с тобой мы жили на земле
цветущей,
Если выпала душе эта осень, эта нежность...

* * *

Взгляни: осенние поля шумливо стая покидает,
Как бы широкая земля в палате желтого жнивья
Вдохнула вольно и — взлетает.

Порывы ветра все сильнее, отроги горные
все круче,
И мнится — двинулся с полей чабан с отарою
своей
Или зимы спустилась туча...

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Камыши
Все мне кажутся шумной толпой,
Разделенной асфальтовой сизой тропой;
И толпа, собираясь кружками,

Все колышется,
машет флажками.
Так по берегу речки стоят камыши
В крупных, росных, сверкающих каплях,
И кричат, и ликуют они от души,
Провожая бумажный кораблик.
А на палубе медленного корабля,
Золотую косу развевая,
Властно пери плывет водяная.
Что ей суша,
трава,
и камни,
и земля,

Ей дороже стихия родная.
Вот проснулась волна, и качнулась волна,
И пучина корабль заглотила,
И бумага течет, и касается дна,
И подводною лодкою стала.
И тревожная тишь прошумела в глуши,
Замер ветер, и тронулся берег,
Толпы ждут возвращения пери...
Это видел я там, где стоят камыши,
И прошу вас виденью поверить.

КЕШОК¹ ПО ВЫМЕРШИМ РОДАМ

Жили в каких-то веках бессчетные племена,
Глянь, — их потомков нет в новые времена!
Как дождевая вода, в землю они протекли,
Даже земля их могил с черствой землей
сравнена.

¹ Кешок — народный плач.

Да, не осталось от них даже пригоршков могил,
Давнюю память о них ветер времени смыл.
В землю навеки ушли, как дождевая вода,
Столькие племена — все, за аилом аил.

Их вековые стволы пламень войны прожег,
И сокрушила болезнь, стерла их в порошок.
Сами иссохли в степи и потерялись в песке
Теченья могучих рек, слагавших по ним кешок.

Все эти племена точили пики свои,
Пронзали друг друга насквозь пиками их рон.
В плачах память о них столькие длили века,
Сами пока не ушли во временные слои.

ПЕСНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Ясной ночью пес голодный воет на луну,
Будто что-то вспоминает и судьбу клянет.
То прихлынет жизни море, то — таит волну,
И душа моя — то плачет в голос, то поет,
И, устав нести вчерашний долг и вину,
Поспешает в новый полдень, чтоб ослабить гнет.

Будто этой жизни мало, хочется еще
Все отдать, что в жизни нажил,
все вернуть с лихвой,
И отца, что рано умер, гладить горячо,
И припасть к нему, тоскуя, детской головой,
И когда глядится полночь в сад через плечо,
Просветленно и свободно говорить с собой.

И на ветке, среди листьев птаху увидав,
Пригласить ее остаться, дольше погостить,
И хотеть, чтобы скорее среди высоких трав
Саду саженец изведаль, начал воду пить...
Или всяческой обиды, горше всех отрав
Ты предчувствием томим, как его забыть?..

Летит легкая взлетает, ты и сам таков —
Ты в одном саду гуляешь, то летишь в другой,
И готовишься рассеять полчища врагов,
И в мечтах одолеваешь жизненный прибор...
Сети жизни пережив, ты в мечтах готов
Выбрать лучший из путей — собственной судьбой...

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ АЙДАРА

Айшу полюбил не на шутку Айдар.
Принес ей любовь, как торжественный дар.
Но ясного нету ответа — и он
Страдал от сияющих девичьих чар.

Тогда закусил он свой палец большой.
Что толку ходить по селу за Айшой!
Он в город уехал, пошел на завод,
В тяжелом труде отдыхая душой.

Завод с уваженьем о нем говорит:
«Прекрасный работник, надежный джигит!»
Из декушек письма приходят ему.
На целую область он стал знаменит.
На что ему письма! Ведь только Айша,
Как воздух, нужна, как весна, хороша...

Он думал: «Теперь я — завидный жених.
Приеду домой и женюсь не спеша».

Лишь белою выюгой поля замело,
Айдар возвратился в родное село.
И что же? Женился другой на Айше!
И свадьба недавно была, как назло!

КРАСАВИЦЫ

Взглядом одним мимолетным она ранит.
От этого взгляда внутри все пылает и стонет.
Масло в огонь подливает красавица

без сожаленья,
Дальше от них — и дорога вернее станет.

Дальше от мук и страданий этих напрасных.
Может, красотки и созданы для насмешек
бесстрастных.

Но ведь и сами они так же, как мы, страдают —
Люди как люди, немало я встретил разных.

Так же они изводятся, так же они тоскуют,
Силой и слабостью так же они рискуют,
Так же смеются и плачут, как все остальные
люди,

Хоть горела и села их красотой существуют.

Да, это они, украшение жизни нашей,
Это огни негасимые жизни нашей.
Их красота нетленная, их чарующий облик
И вдохновляют поэта на песнь
над заздравной чашей.

Взгляд и улыбка, и только потом знакомство,
И понимание сердечное — это уже потом все.
И, засияв на прекрасном лице любимой,
Жизнь улыбнется вам радостным вашим
потомством.

Где Кунгея хребты высоки,
Прогонял я коней косяки,
И меня вспоминать здесь осталась
Эта девушка в путях тоски.

Видел я: вырастали валы,
Как хребты, велики и белы.
На озерном просторе волшебном
Ночи долгие были теплы.

Стал я мыслей и рифм чабаном,
Мчались годы в просторе земном...
Чудный сон я однажды увидел
И прозрел, очарованный сном.

Словно юность вернуть я смогу,
Юный образ в груди берегу...
Знать, не только она тосковала
Там, на южном крутом берегу.

Есть высота и в смерти бесконечной,
Объявшей мир, чтоб в вечности забыть,
Есть высота и в жизни быстротечной,
Той, что спешит ушедших заменить.

Есть высота у полночи безмолвной,
Что в улей собирает рой планет,
И у зари твоей, сиянья полной,
И в этих днях, которым счету нет.

* * *

Дождь мой осенний, дождь проливной,
Жизни дарящий свет, обложной,
Вон — клевера поднялись молодые,
Поле надело кафтан травяной.

...Ныче повсюду — снег голубой,
Клевер упрятан в сугроб с головой,
А под снегами, где душно и влажно,
Важно таится побег молодой...

* * *

Замерзает вода над озерами,
И деревья в осенние сумерки
Поражают печальными взорами...

Будут вьюги над ними куражиться,
Да ненастья... Нести эту каторгу
Поневоле никто не отважится.

Ну, да все же весна припожалует,
Распушится зеленое деревце.
Мы ж уляжемся в землю, усталые,
И никто нас поднять не осмелится...

* * *

За одну лишь ночь снег легко сошел,
За одну лишь ночь ветер птиц привел,
И деревья все — в легкой кисее,
И зазеленел разнотравьем дол.

И на свежий мир загляделись все,
И тюльпан стоит в огневой красе,
И природы склон — к лету обращен
В каждой малости, в молодом листе.

И едва весна землю обожгла,
И прибавила всем сердцам тепла,
Как на улицах зацвела любовь,
Нежной музыкой в каждый дом вошла.

И часы бегут, не догонишь их,
И смятенье дышит в сердцах людских,
И лишь редкие, кто любви верны,
Помнят прежних тех — милых, дорогих...

* * *

К верховью реки, сбегаящей вниз,
Давно тебе путь знаком.
Долина, поросшая березняком,
Издали машет платком.

Горы смотрят со всех сторон,
Склоняясь к тебе с высоты.
Теснясь и пестрея, навстречу бегут
И кланяются цветы.

Все также две ели на склоне стоят,
Здесь были мы прошлой весной,
Сидели, устав от ходьбы по горам.
Под зеленью навесной.

Чудесно ущелье Ала-Арча.
Какой удивительный вид:
Словно к вершинам причалил корабль,
Носом уткнувшись в гранит.

ЗИМНИЙ АИЛ

В морозный полдень спит аил.
Дорога летняя закрыта.
Дымы простерлись до зенита —
Январь над миром воспарил.

Покрыто все — и снег и лед —
Туманом светлым, как надежда.
Лишь милой девушки одежда
Цветком внезапным колыхнет...

* * *

Как мне годы возвратить, что вдали, вове,
Если я иным дышу, тяга все сильней,
Я к стихам своим спешу, а они — ко мне,
Отдаленный рокот их — ближе и слышней.

Я, как дивная река в пламени борьбы,
В русло новое свое восхищенно врос,
И последнюю строку жизни и судьбы
Продолжает так легко многоточье звезд...

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Для чего кольцо холодному Сатурну?
Я тебе его отдам, родная.
Для чего морям оклад жемчужный?
Он тебя украсит, дорогая.
Пламя вулканических бурунов
Пусть в стихах моих клокочет, догорая.

Для чего звезде немеренная вечность?
Нам она нужна — не расставаться.
Сколько надо праздников беспечных,
Чтобы вволю мы могли встречаться!
Вечно в мыслях, сердцу не переча,
Ты одна — и нам не распрощаться.

Это для тебя гудят турбины,
Замерли на старте самолеты.
Это для тебя поют акыны,
Соловьиные выводят ноты.
Где-то смерть глядит на наши спины,
Чтобы сбросить нас на повороте.

Нас мечта стремительная гонит,
К жизни бесконечной устремляет.
И любовь нам от беды заслоном —
Пламенная, вечно молодая.
Все, чего мы ждем, чего мы стоим,
Где-то впереди нас ожидает.

Осталось детство майским шумным флагом
В родных горах.
И ритмы городов
Я полюбил. Иду широким шагом
В потоке улиц, к новому готов.

Не мне — перебирать воспоминанья,
Но строки дружбы на вершине дней
Хочу сложить я и хочу свиданья
С той женщиной, что сердцу всех милей.

А юность за штурвал берется сходу,
За мастеров и плуга рукоять...
И я хотел бы молодость народу,
Как чистую мелодию, отдать.

И в жизни, и в поэме, и в газели
Спешить дорогой века моего,
Чтоб дни мои несли меня, летели,
Для смерти не оставив ничего.

ПОЭМЫ

КРЕПОСТЬ

Драматическая поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Священен путь народов и племен,
Бессильна повторить его строка,
Одни легенды минувших времен
Соединяют судьбы и века.

Они прошли и воды и огни,
Народа след с легендой один.
Ты этот свет навеки сохрани
От малых лет до горестных седин.

В моем краю история жива,
В ней радость с горем тесно сплетены.
Народных песен вещие слова
Мне открывают тайны старины.

Земля моя — вершины в облаках,
Здесь вечный снег средь вечной высоты,
За ними дни, что видимы в веках,
А впереди — грядущего черты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Поляна. Вокруг деревья. На поляне появляется ханша, осматривается. Лицо ее закрыто.

Ханша

Пришла я раньше времени сюда.
Увидит враг — и ждет меня беда.
Мне друга ждать не стоит на виду,
Укроюсь в тень, с поляны прочь уйду.

(На поляне появляется предводитель ханских войск. Замечает ханшу.)

Предводитель

Не уходи, любимая, постой,
Свой лунный лик не закрывай листвою.
Свет глаз твоих на звездный свет похож,
Я так спешил, узнав, что ты придешь.

Ханша

Твои слова я в сердце сберегу,
В любовь твою не верить не могу,
Но есть дела важнее красивых слов,
Исполнить их — лишь любящий готов.

Предводитель

Согласен я: не надо пышных фраз,
Лишь прикажи — исполню я приказ.

Ханша

В любовь твою я верила всегда,
С ней не страшны ни горе, ни беда,
Но много дней душа моя больна,
Людскою ложью ранена она,

Я слезы лью и мной владеет страх,
И бьются мысли птицею в силках.

Предводитель

Не мучь меня, любимая, скажи,
Кто сочинитель этой низкой лжи,
Кто негодий, способный на обман?
Как звать его, скажи?

Ханша

Даанышман!

Предводитель

Я не могу поверить и понять,
Ты это имя назови опять.

Ханша

Да это он — Даанышман — хитрец,
Даанышман, воин и мудрец.
Кого так уважают все кругом,
В чьей власти наблюденье за врагом.
Обида сердце жжет больнее огня —
Его слуга оклеветал меня.

Предводитель

Постой немного, отдышаться дай,
Что наболтал проклятый негодяй?

Ханша

Мне удалось узнать с большим трудом:
Сказал, что в переписке я с врагом.

Предводитель

О мой аллах, как смеет он болтать,
Дойдет до хана — бед не миновать.

Ханша

Не выяснив, что правда, а что ложь,
Мне горло перережет ханский нож,
А там и на тебя, на ясный день,
Даанышман сумеет бросить тень.

Предводитель *(про себя)*

Да, не выносит нас Даанышман,
Ему наверняка поверит хан.
Но я своею жизнью дорожу,
Я этот узел крепкий развяжу.

(Ханше)

Пора нам позаботиться о нем.
С чего, моя любимая, начнем?

Ханша

Не открывая истины лица,
Натравим хана мы на мудреца.

Вдвоем

Сильнее правды только клевета,
Дорога лжи опасна и крута.
Но кто с огнем приблизился ко мне —
Минует срок — сгорит в своем огне.

(Становятся слышны смех и голоса.)

Ханша

Пора, мой милый, скроемся из глаз.

Предводитель

Чтоб здесь вдвоем не увидали нас,
Будь осторожна, продолжая путь,
О данной клятве, друг мой, не забудь.

*(Оба уходят. Появляются юноши и девушки.
Впереди всех батыр Туйгун. Юноши
устанавливают качели.)*

Туйгун

Молодцы-удальцы, раскачайте качели,
Выше облака, солнцу навстречу, взлетим,
Чтоб красавицы наши смеялись и пели,
Чтобы сосны с березами вторили им.

Джигиты

Наша молодость — песней жива, вдохновеньем,
Наша молодость — миг, и шальна и хмельна,
Будем жить, словно молния, только мгновеньем,
До поры, как покроет виски седина.

Девушки

А девичья пора мимолетна; короче,
Словно дождик, пройдет, и исчезнет, как дым,
Словно праздник, промчатся счастливые ночи,
Только раз на земле быть дано молодым.

Хор

Чтоб красавицы наши смеялись и пели,
Чтобы сосны с березами вторили им,
Молодцы-удальцы, раскачайте качели,
Выше облака, солнцу навстречу, взлетим.

*(Молодежь раскачивается на качелях, а в это
время Туйгун заводит разговор с юной
девушкой.)*

Туйгун

Так печальна душа,
И не мил белый свет,
Оттого, что неведом
Любимой ответ.
Неизвестность страшна,
Если в сердце любовь.
Неужели ответ
Не услышу я вновь?

Ганьзак

Счастлив тот,
Кто любовь и мечту сохранил.
Разговор твой, батыр,
Мне приятен и мил.

Туйгун

Ты смеешься, любовь,
Над моею судьбой.
Неужели затем
Говорю я с тобой,
Чтобы слышать слова,
И не ведать ответ,
Ведь сомненье страшней
И напастей и бед?

Ганьзак (про себя)

Словно птица в силос,
Угодил птицелов.
Я подам ему знак,
Что понятнее слов.

(Из рукава вынимает расшитый платок и
протягивает его Туйгуну.)

Туйгун (про себя)

Лишь бы справилось сердце
Со счастьем моим.
В этом знаке ответ,
Что я тоже любим.

(Девушке)

Тем, кто любит друг друга,
Слова не нужны,
Если губы теплы,
Если взгляды нежны.
Мы с тобою теперь —
Два притока реки,
Мы с тобою теперь —
Две сплетенных руки,
Мы две ветви с тобой
На едином стволе,
Две единых судьбы
На единой земле.

Джигиты

Наша молодость — песней жива, вдохновеньем,
Наша молодость — миг, и шальна и хмельна.
Будем жить, словно молния, только мгновеньем,
До поры, как покроет вьюги седина.

Девушки

А девичья пора мимолетна; короче,
Словно дождик, пройдет, и исчезнет, как дым,
Словно праздник, промчатся счастливые ночи,
Только раз на земле быть дано молодым.

(На поляне появляется певец Нияз.)

Н и я з

Удальцы, красавицы,
Зябко на ветру!
Старика не примет ли
Молодость в игру?

Т у й г у н

Коль аба¹ хорошую
Песню нам поет,
Примем и послушаем.
Здесь певцам почет.

Н и я з

У Нияза в жилах
Песни, а не кровь.
Что вам спеть, красавицы?

Д е в у ш к и

Песню про любовь!

Н и я з (*играет на комузе и поет*)

Белели горы
Молча под луной.
Не вышла ты,
Чтоб встретиться со мной.
Холодный взгляд
Меня остановил,
Когда тебе любовь
Свою открыл.

¹ А ба — дедушка.

Вот солнце осветило
Склоны гор.
Напрасно гнал коня
Во весь опор.
Хотел тебя увидеть —
Ни следа.
Исчезла ты,
Как талая вода.

Я ждал в начале месяца
Ответ.

Луна светила,
Наступал рассвет,
Промчалось лето,
Осень настанет,
Но кто любил,
Тот ждать не устает.

В начале года
Ждал я твой ответ.
Луна светила,
Наступал рассвет,
Но год прошел,
Другой промчался год.
И сердце ждать и верить
Устает.

Ищу тебя везде —
Не нахожу,
Как раненая птица,
Я кружу.
Взойдет луна —
Я о тебе грущу.

Засветит солнце —
Я тебя ищу.

Плывут по небу
Тихо облака,
Течет в полях
Осенняя река —
То ищет след любви
Моя тоска
Во все века,
Во все века.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Площадка внутри крепости. Молча, задумавшись, тоит Даанышман. Медленно, крадучись, к нему приближается гонец Чабарман.

Чабарман (про себя)

Держись, мудрец, пришел и мой черед,
И я не прост, посмотрим, чья возьмет.
Коль проиграю — голову сложу.
А победив, награду заслужу.

(Подходит к Даанышману.)

О, как я рад, мудрец из мудрецов,
Здоровье как?

Даанышман

Спасибо, я здоров!

Чабарман

Чтоб беды от тебя летели прочь,
Молю аллаха я и день и ночь.

Даанышман

Коль любишь так, зачем потупил взор?
Ты, говорят, явился из-за гор.
Как у соседей обстоят дела?

Чабарман (про себя)

Наживу рыба, кажется, вяла.

(Даанышману)

Они к объединенью звали нас,
Наш хан в ответ послал уже отказ.
Коль силы мы не соберем в кулак,
Коль будем врозь — нас одолеет враг, —
Тебе они просили передать.
Сказали, что ответа будут ждать.

Даанышман

Стой, не юли, скажи наверняка,
Враг нападет, пришлют они войска?

Чабарман (про себя)

Поможет правда более, чем ложь,
Так просто старика не проведешь.

(Вслух)

Даанышман известен как герой, —
Сказали мне, мудрец,
Там, за горой,
Ждут от тебя друзья твои письма,
Твой разум восхищает их весьма.
Коль нападет на крепость вражья рать, —
Сказали мне, мудрец,
Что смогут стать

Они за нас могучею стеной.
Победа вражья — общая беда,
Об этом помнят войны всегда.
Ответ ты можешь передать со мной,—
Сказали мне, мудрец,
Там, за горой.

Да а н ы ш м а н

Когда ты в путь отправишься опять?

Ч а б а р м а н

Тебя я не заставляю долго ждать,
Я тенью проскользну в ночной тиши.
Не медли сам. Послание пиши.

(Протягивает Даанышману перо и бумагу.)

Я там пройду, где зверю не пройти,
Мне ум и долг — помощники в пути.

(Даанышман начинает писать письмо.)

Ч а б а р м а н *(про себя)*

Попалась рыба в сети, наконец,
Я обмануть сумел тебя, мудрец,
В моих руках и дружба и вражда,
Запомнит этот день еще орда.

Да а н ы ш м а н *(протягивая письмо)*

Спешу, гонец, и братьям передай —
В опасности, в беде родимый край.
О самом главном, друг мой, не забудь:
Враги ступиды на кровавый путь.

Где не пройдешь — там птицей пролети.
Да сохранит господь тебя и пути!

(Даанышман уходит. Чабарман следит за ним. Увидев, что Даанышман скрылся с глаз, кладет письмо на камень, сверху прикрывает тебетей, чтобы был все же виден кончик письма. Прячется. Входят хан и предводитель ханских войск.)

Х а н

Здесь стены ниже, хоть они крепки,
Пусть защитят их меткие стрелки.
Побольше копьеносцев ставь сюда.
Коль не учтешь, нас может ждать беда.

П р е д в о д и т е л ь

Исполню точно все, что ты велишь,
Так укрепим, что не пролезет мышь.

(Одновременно они видят тебетей, оставленный Чабарманом.)

Смотри, мой хан, какой-то ротозей
Здесь позабыл случайно тебетей.
Заношен тебетей и стар на вид,
Но в нем письмо, по-моему, лежит...
(Хан берет письмо и начинает его читать. Прочитав, опечаленный и разгневанный, поднимает голову.)

Х а н

Кто знал, что друг способен на обман?
Нас предаст хитрец Даанышман.
Как смел вступать в переговоры он?

П р е д в о д и т е л ь

Мой хан, растерян я и сам смятен.

Хан

Я покажу, как, хана не спросясь,
Вступать с другим народом тайно в связь.
Он как-то мне об этом говорил,
Я промолчал, виновного простил.
Не будь я ханом, узел развяжу —
Предателя в темницу посажу.

*(Хан и предводитель уходят. Появляется,
радостно потирая руки, Чабарман.)*

Чабарман

Торжествовать пришла моя пора.
Даанышмана кончена игра.
Мой тебетей — счастливый талисман.
Ты в дураках, мудрец Даанышман.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Место возле крепостной стены. Появляются глашатаи. Они бьют в барабан и кричат, обращаясь к народу.

Глашатаи

Ханский приказ
Слушай, народ.
Враг за горой
Начал поход.

Скот загоняй
В крепость орды.
В битве с врагом
Будем тверды.

В крепость спеши,
Ночь настает,
Кто не успел,
Тот пропадет.

Ханский приказ
Слушай, народ.
Враг за горой
Начал поход.

Крепость — наш дом,
Солнце — народ.
Крепость падет —
Солнце зайдет.

Будем тверды
В горестный час.
Слушай, народ,
Ханский приказ.

*(Глашатаи уходят, постепенно смолкают их
голоса. Появляется Туйгун, вместе с ним
Чабарман. Идущая с другой стороны Ганызак
видит их и прячется. Слушает.)*

Туйгун

Я знаю, что дорога далека,
Уходят тропы прямо в облака,
Но главное, прошу я, не забудь —
Едва дойдешь, спеши в обратный путь.

А нашим братьям кровавым передай,
Что враг идет в поход на отчий край,
Что мало нас, но воины тверды,
Что мало шансов выжить у орды.

Что дорожим свободой мы, гонец,
Что войны надоели, наконец,
Что мы устали от боев и битв,
А женщины от траурных молитв.

Что, если наша жизнь им дорога,
Пусть братья двинут войско на врага,
Соединимся — выживет народ,
Над Ала-Тоо солнце не зайдет.

Ч а б а р м а н

Ты прав, моя дорога не легка,
Уходят тропы прямо в облака,
Я там пройду, где зверю не пройти,
Ничто не помешает мне в пути.
Наследство наше — мужество и честь,
И острые мечи у войска есть,
Пусть смерть в лицо, пусть стылый ветер в грудь,
Мы победим, Туйгун!

Т у й г у н

Счастливым путь!

*(Чабарман уходит. Оборачивается, машет
рукой. Из-за своего укрытия появляется
Ганызак.)*

Г а н ы з а к

Батыр, закрыли солнце облака,
Душа в смятении, как весной река.

Т у й г у н

Цветок озяб, коль солнце в облаках,
Согрею я тебя в своих руках.
Ты вся дрожишь. Нас ждет плохая весть?

Г а н ы з а к

Владеют ханшей ненависть и месть —
Я ненароком убедилась в том,
Когда к ней заходил гонец с письмом.

Т у й г у н

Здесь, вижу я, задета только честь,
Гонец принес письмо. При чем тут месть?

Г а н ы з а к

Гонец, что ночью к ханше приходил,
С тобой тому мгновенье говорил.
Вот почему я испугалась вдруг,
Ты обнимался с ним, как лучший друг.

Т у й г у н

При чем, скажи, тут низость и обман —
То был гонец, отважный Чабарман.

Г а н ы з а к

Письмо послал наш враг — джунгарский хан.
Принес его и перстень — Чабарман.

Т у й г у н

*(осознав наконец, кто есть Чабарман
на самом деле)*

О, как же я был слеп до этих пор.
Еще о чем шел подлый разговор?

Г а н ы з а к

Даанышман-мудрец освобожден,
Но ханше, наконец, не страшен он.
Я это тоже слышала сама,
Что наш Даанышман сошел с ума.

Проклятье! Сердце, вынеси напасть.
И все же зла не беспредельна власть.
Нас те хранят, чьи помыслы святы —
На хитреца довольно простоты.
Не будь тебя — мы б выход не нашли,
И весь народ исчез с лица земли.
Теперь пора, спеша в обратный путь,
Следи за ханшей. Осторожна будь.
Храни тебя господь, моя любовь.

А завтра, друг мой, встретимся мы вновь.

(Целует в лоб Ганызак. Девушка уходит.)

Как много бед на голову одну,
Перед народом чувствую вину.
С врагом, как с другом, — был во всем открыт.
Но враг так благороден был на вид.
Лазутчик вражий сметлив и хитер,
К тому ж еще не пойман до сих пор.
Всю жизнь себе оплошность не прощу,
Коль я его сегодня упусти.

*(Туйгун уходит. Появляется Даанышман.
Он действительно не в своем уме. Даанышману
кажется, что он до сих пор находится в
темнице.)*

Д а а н ы ш м а н

Проходят жизнь и время сквозь тела,
Течение вечно медленной реки,
Так много унесла она тепла,
Желанью человека вопреки.
И сквозь меня прошла она давно,
Пустынен берег и открыто дно.

(Подняв руку к небу, кричит.)

Эй ты, сверху, владеющий рекой,
За что я предан участи такой?

Г о л о с

Уймись, не богохульствуй, замолчи,
Не нужен свет живущему в ночи,
Благодари всевышнего, слуга,
За то, что уцелели берега.

Д а а н ы ш м а н

О где ты, свет вчерашнего ума,
Быть может, отняла его тюрьма?
И то не солнце — шар над головой,
А только мрак пылает надо мной?
В душе моей остался белый свет,
А вне тюрьмы и света больше нет,
Где в ханской воле слово и судьба?
Печальна участь мудрого раба.
Но хан — он тоже смерти вечный раб,
И перед сильным хан могучий слаб.
Мне домом стала мрачная тюрьма,
Где жить привольно смертным без ума,
Хотел объединить я племена,
И это — моя главная вина.

*(Опять раздается грохот барабана,
появляется один из глашатаев, видит
Даанышмана и спрашивает его.)*

Г л а ш а т а й

Могучий хан — несчастнее раба?..
О чем вы говорите здесь, аба?

Даанышман

Я лишь вопросы задаю творцу,
Как задавать пристало мудрецу,
Меня загадка древняя влечет:
В какую даль река времен течет,
И где берет начало новый день,
При свете тьмы куда уходит тень?
Но прошлого таинственный туман
Не может разгадать Даанышман.
Ты, может быть, нашел уже ответ,
И для тебя загадок больше нет?

*(Появляются остальные глашатаи, и первый
пришедший присоединяется к ним.)*

Глашатай

Ханский приказ
Слушай, народ,
Враг за горой
Начал поход.

Кто не решил,
С кем он идет,
Тот пропадет,
Ночь настает.

Крепость — наш дом,
Солице — народ.
Крепость падет —
Солице сайдет.

В горестный час
Будем тверды.
Ханский приказ —
Воля орды.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Орда. Хан. Военачальники. Звездочеты. Воины.
Народ.

Предводитель

Будем тверды
В горестный час.
Слушай, народ,
Ханский приказ.

Хан

Будет короткою ханская речь,
Время, батыры, нам взяться за меч.
Час испытаний тяжелых грядет,
Скоро появится враг у ворот.
Вы, кузнецы, разведите огни,
Куйте мечи, пригодятся они.
Старый и малый, без дел не сиди,
Столько забот у вас впереди,
Чтобы джигит был накормлен у вас.
Главный закон — мой карающий меч —
Снимет виновному голову с плеч.
*(В народе возникает оживление. Теперь хан
обращается к муллам и звездочетам.)*

Вы, звездочеты, провидцы судеб,
Может быть, зря переводите хлеб?
Как мы поступим, коль грянет беда,
Враг победит и ворвется сюда?

Первый звездочет

Ханское слово —
Веленье судьбы.

Ханские слуги—
Врагу не рабы.

Второй звездочет

Предков завет
Преступить не могу —
Храбрый киргиз
Не сдастся врагу.

Хан (ко всем)

Двигается враг. Подымайся, орда,
Враг, что с землею равнял города.
Двигается враг, с кем мы бились не раз.
Влится битвы решающий час.

Воины, вооруженные копьями

К битве кровавой готовы бойцы,
Виться с врагом нас учили отцы.
Копья надежны, остры и точны,
Храбры бойцы и отваги полны.
Если отступим и крепость падет,
Выживет раб, но погибнет народ.

Воины, вооруженные мечами

Можно не выказать удаль свою,
Можно, сражаясь, погибнуть в бою,
Если могуча противника рать.
Землю родную — нельзя отдавать.
Землю отдав, получают взамен —
Воины гибель, а женщины — плен.

Народ

Вслед за джигитами выйдем на бой,
Станет судьба их и нашей судьбой.

Общей победа и общей беда.
В битве с врагами едины орда.
(Появляется воин. Он запыхался. Видно, что уже побывал в бою.)

Предводитель

Ханский приказ
Слушай, народ.
К бою мечи —
Враг у ворот.

(Народ быстро расходится.)

Воин

Шесть дней в ущелье ждали мы врагов,
На солище — днем, а ночью — без костров.
Едва сегодня наступил восход,
Увидел я, что враг уже идет.
Но не прошел их головной отряд:
Дорогу преградил им камнепад,
Мы славно потрудились в этот час.
Но враг силен и слишком мало нас.
Грозит народу нашему беда.
Джунгарский хан торопится сюда.

Хан (обращаясь к предводителю)

Пока еще беда не велика.
Не торопись, распредели войска.
А нападут, не объявив войны,
Надежна крепость. Воины сильны.

Предводитель (обращаясь к батыру Нодору)

Ты крепость с юга защитишь, Нодор,
Не знавший поражений до сих пор.

Надежны стены там и высоки.
С тобою станут меткие стрелки.

Н о д о р

Клянусь всевышним — выдержу напор,
В бою не дрогнет преданный Нодор.

(Обращаясь к своим воинам.)

Я буду бить врага, пока живу.
Стрелки, за мной. Стрелу — на тетиву.

(Уходит.)

Предводитель *(обращаясь к батыру Кайкы)*

С тобой, Кайкы, у северной стены
Стоять джигиты лучшие должны.
Там стен старинных меньше высота.
Проверь, батыр, опасные места.

К а й к ы

Клянусь светилом, тем, что в вышине,
Кто нападет, заплатит жизнью мне.

(Уходит.)

П р е д в о д и т е л ь

Туйгун, твоя восточная стена,
Надежней всех защищена она.
Но отчего потух батыра взгляд?
Ты назначеню важному не рад?

Т у й г у н

Нет, дорого доверье хана мне,
Осаду крепость выдержит вполне.
Удар надежен и крепка рука,
Не оттого в душе моей тоска.

Хан

Поведай мне сомнения твои,
В душе своей печали не таи.

Туйгун

Коль просишь сам — батыра не вини,
А не поверишь — голову сними.
Мне девушка поведала одна,
Есть подозрение — ханша не верна.

Хан

В чем ханша виновата, мой храбрец?

Туйгун

В твоём доме сегодня был гонец.
Послание с перстнем от врага принес,
И вновь исчез во тьме, проклятый пес.
Защиты, хан, от вражеской рати нет,
Коль враг узнает крепости секрет.

Предводитель

Что ты плетешь, Туйгун, язык твой — враг,
Поверил ты собаке Ганызак.
Зачем с чужого голоса поешь?
Все, что сказал, неслыханная ложь.

Туйгун

Лишь пес людей собаками зовет,
Не замолчишь — заткну тебе я рот.

Предводитель

Что так горяч — защитник клеветы?
Быть может, в Ганызак влюбился ты?
(Туйгун бросается к предводителю.)

Хан *(разнимает их)*

Благодарю за бдительность твою,—
Нам пригодится этот пыл в бою.
А, может, впрямь — влюбленных не поймешь,
Не различишь, где правда, а где ложь?

Туйгун

Мой хан!..

Хан

Постой, я прекращаю спор,
Не знали мы предательства до сих пор.
Случись беда — предавшего казню,
А крепости секрет я сохранию.

Туйгун

Я верю вам, мой хан.
(Обращаясь к предводителю.)
Ну, а с тобой,
Отбив врага, продолжим этот бой.
(Туйгун уходит.)

Предводитель

То злоба или глупость — не пойму,
И ложь такая выгодна кому?
Любовь и разум вечно не в ладу...
А может, хочет расколоть орду?

Хан

Оставь, батыр, заботы эти мне.
Твоя задача — думать о войне.

Предводитель

Я страж надежный западной стены,
Мои стрелки отважны и верны.
Мы связаны с тобой одной судьбой,
Поверь мне, хан, мы выиграем бой.

(Уходит.)

Хан

Как тяжела от мыслей голова,
Как вы страшны, проклятые слова,
Кто друг, кто враг, кому поверить мне,
Кто победит в невидимой войне?
Я много видел злобы и добра,
Знакомы мне наивность и игра,
Но до сих пор не выясню никак,
Кто хану — друг, кто хану — злейший враг.
Лихой батыр Туйгун, чем движим он,
Желаньем получить и власть и трон?
И как жену сегодня обниму,
Коль ханша — враг народу моему?

(Хан уходит. Идет медленно, опустив голову. Появляется Даанышман.)

Даанышман

Эй, справедливость, ты еще жива?
А я, как видишь, двигаюсь едва,
Лишили власти и прогнали прочь,
Хоть думал о народе день и ночь,
Так почему я наг, господь, и бос,
Ответь на мой стотысячный вопрос?

(Пауза.)

Эй, там, на воле, где и свет и тень,
В темнице я сижу который день?

Голос

Прошло, мудрец, всего лишь сорок дней.

Даанышман

А я считал, что сверху вам видней,
Мне здесь открылся истинный ответ —
С тех пор, как из души был изгнан свет,
Не сорок дней прошло, а сорок лет.
Для мудреца наивен ваш обман.
Постиг закон времен Даанышман.

(Появляется певец Нияз. Слушает Даанышмана.)

Вина моя безмерно велика,
Ведь я хотел, чтоб были на века
В народ единый слиты племена,
Раздор опасен в наши времена.
Но честолюбцу мысль моя чужда,
Его приводит к власти лишь вражда,
А я хотел единства на века,
Вина моя безмерно велика.

(Медленно уходит.)

Нияз

Сменяют лето — осень и зима,
И вот мудрец остался без ума,
Погасла красота, и пал храбрец,
Подходит все к развязке, наконец.
Река, что в гонке бешеной жила,
Давно среди полей изнемогла,
Но вновь мудрец является на свет,
И юность начинает свой расцвет,
Опять бурлит весенняя вода,
Опять жара, а после холода,

Обман, навет и свет влюбленных глаз.
Все в мире повторяется не раз.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Комната хана. В ней — напротив друг друга — хан и ханша. Ханша наливает вино и протягивает хану.

Ханша

Хоть здесь забудь на время о войне.
Осаду крепость выдержит вполне.
Прошу, отпей налитое вино.
Излечит от усталости оно.

Хан *(испытующе глядя на ханшу)*

Любить тебя мне не мешала власть,
Минуло двадцать лет — все та же страсть.
Ты стала для меня уже судьбой.
Отпей вино, а я вслед за тобой.

(Ханша пьет вино. Потом наливает опять и подает хану. Появляется предводитель ханских войск.)

Предводитель

Мой хан, опять идет на приступ враг,
Мы отразили несколько атак.
Не скрою, что у нас потери есть.
Но и врагов, нашедших смерть, не счесть.
Ни на мгновение не стихает бой.
Опять идет на приступ вражий строй.

Хан

Тяжелые настали времена.
Сейчас вернусь.

(Обращаясь к ханше.)

Налей ему вина.

(Хан выходит из комнаты. Предводитель берет в руки налитую чашу. Глядит на запястье ханши.)

Ханша

Как ненасытен взгляд любимых глаз,
Как жаль, что не до встречи нам сейчас.

Предводитель *(шепчет, наклонясь к ханше)*

Будь начеку, подозревает хан,
Что твой гонец ходил во вражий стан.
Туйгун донес — с тобою связан враг,
Со слов твоей служанки Ганызак.

Ханша *(прикладывает палец к губам)*

Сюда идут.

(Появляется хан в боевых доспехах.)

Хан

Готов я снова в бой.
Пока я жив, не страшен враг любой.
Сейчас бы в поле, на степной простор,
Гнать плетью скакуна во весь опор.
Как ветер мчат, и головы рубить,
Врага в крови горячей утопить.
А ты, мой друг, не бойся за меня,
В душе довольно силы и огня.

Ханша

Пусть тот огонь противника сожжет,
И славы дым по миру разнесет.

Хан

В ком дух народа — тот непобедим.
Непобедим, кто истинно любим.

Ханша

Пусть роль моя, как женщины, мала,
Но я всю жизнь верна тебе была.

(Предводитель выходит.)

И ночи тьму я превращала в день,
Палило солнце — простирала тень.

Хан

К чему слова, ведь я тебе, поверь,
Как верил раньше, верю и теперь.

Ханша

Нет, погоди, душа моя в крови,
Коль верят Ганызак, а не любви.

Хан

Растерян я — кружится голова,
Как до тебя дошли ее слова?

Ханша

Убей меня, рукой своей убей,
Мне умереть невинною милой,
Чем жить с клеймом неверности, мой друг,
Мне смерть желанна от любимых рук.

Хан (про себя)

Душа светла и помыслы чисты,
Батыр Туйгун стал жертвой клеветы.

Ханша

С тех самых пор, когда Даанышман
Рассудок потерял, мой славный хан,
Задумал месть — я знаю хитреца —
Батыр Туйгун — племянник мудреца.

Хан

Да ты права, любимая жена.
В нем злоба затаенная сильна.

*(Приближается к ханше. Целует. Выходит.
Ханша закрывает дверь и, вынув письмо,
спрятанное на груди, читает его.)*

Ханша

«Любовь моя,
Прекрасная любовь!
Я счастлив,
Что пишу любимой вновь.
Опять веду войска
Тропой побед,
Все это для тебя,
Мой ясный свет.
И пусть от вражьих стрел
Пасть суждено,
Я к гибели готов,
И все равно
Нет ничего прекраснее
Любви,
Она горит огнем
В моей крови,
Из мертвых ею
Буду воскрешен,
Я крепость окружил

Со всех сторон.
Открой мне тайну крепости
Скорей
И лаской мое сердце
Отогрей.
Но если вдруг
Ко мне ты холодна,
Махни платком —
Закончится война...»

*(Ханша оглядывается, замечает перья
головного убора, которые высываются
из-за занавески. Подбегает к Ганызак, которая
прячется за занавеской.)*

Не знала я, что враг живет в дому.

Г а н ы з а к

О чем вы говорите, не пойму.

Х а н ш а *(вытаскивает кинжал)*
Нет, снова ты меня не проведешь,
Сполна заплатишь мне за эту ложь,
Пока мужчины заняты войной,
Послал Туйгун следить тебя за мной?

Г а н ы з а к *(вскидывает голову)*
Народ тебя любил, как любят мать,
Как ты могла детей своих предать?
Перед тобой в одном моя вина,
Что я народу нашему верна.

Х а н ш а

Остановись, несчастная, ответь,
Как ты могла подслушивать посметь?

Г а н ы з а к

Посмела ж ты предать свою страну
И хочешь на меня снать вину.

Х а н ш а

Зналась чернь, управы не найти,
Стоять опасно на моем пути.

Г а н ы з а к

Твой путь ведет в предательство и тьму,
Ты враг теперь народу моему.

Х а н ш а

Сама себе ты выбрала конец.
*(Закалывает Ганызак. Оттаскивает ее в
сторону.)*

Пора спешить. Вот-вот придет гонец.

(Ханша становится на колени.)

Создатель мой, измучена душа,
Решиться не могу, и нет пути назад.
Что делать мне, скажи?
Пришло уже четвертое письмо,
Узнает хан, и бед не миновать.
И будет казнь мучительна моя.
Я женщина еще. Осталось десять лет
Мне быть в руках любви живым цветком.
Я не хочу, чтоб он увял так рано.
Мне крепость кажется тюрьмой,
Какая подлость — хочет хан
В дом женщину другую привести,
На подлость подлостью отвечу я,
И злом на зло,
И помоги мне небо и создатель.

*(Начинает писать ответ Джунгарскому хану.
Заканчивает его. Появляется Чабарман. Ханша
протягивает письмо гонцу.)*

Ханша

В письме проклятой крепости секрет.
И это мой единственный ответ.
На дне реки, что возле стен течет,
Берет начало наш водопровод.
Пока по трубам движется вода,
Врагу не сдастся крепость никогда.
Но стоит вход соломою забить,
Что станет мой народ отважный пить?
И сдастся крепость, простояв века,
Вход там, где изгибается река.
Пускай джунгарский хан сюда спешит.
И пусть письмо судьбу мою решит.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Площадка внутри крепости. Встречаются Кайкы
и Туйгун.

Кайкы

Батыр Туйгун, ты нынче молодец.
Попался в руки вражеский гонец.

Туйгун

Но быть спокойным до конца нельзя,
Пока на помощь не придут друзья.

Кайкы

Есть подозрение у меня одно,
Что с ханшей предводитель заодно.
(Кайкы уходит. Появляется хан.)

Туйгун

Мой хан, опять от стен отхлынул враг,
Мы выдержали множество атак.
С полтыщи трупов около ворот.
Редеет вражий строй. Враг устает.

Хан

Так выдержит осаду мой народ?

Туйгун

Мы победим, коль помощь к нам придет.
Пятьсот бойцов мечтают об одном,
Чтоб встретиться лицом к лицу с врагом.

Хан

Сошел с ума. Ворота я открой,—
И это будет наш последний бой.

Туйгун

Конечно, хан, ты любишь власть и честь,
У нас о них свое понятие есть.
Как и тебе — нам крепость дорога,
Придет подмога — окружим врага.

Хан

Об этом я не слышал до сих пор.

Туйгун

Да, к нам подходит помощь из-за гор.
Без разрешения милости твоей
Позвать решили истинных друзей.

Хан

Мне не сказав. Батыр, однако, смел.
Немало совершил ты славных дел,
Но ты во всем обязан только мне —
Своей судьбой, успеху на войне,
Желанье хана — смертному приказ,
Хочу казню — хочу возвышу вас.
Земля отцов завещена судьбой,
И за нее ведем мы смертный бой.
Все эти горы, реки и поля,
Святая наша, грешная земля.
Ты меч занес над отчею землей,
Попробуй объяснить поступок свой.
И если я не прав — ты сын судьбы,
А хан ей годе в жалкие рабы.
*(Появляется предводитель ханских войск,
увидев хана и Туйгуна, прислушивается к
их разговору.)*

Туйгун

Мы предали когда-то свой народ,
Когда насильно разделили род.
Когда могли спокойно наблюдать,
Как ханство разоряла вражья рать.
Настигло нас возмездие, и вот —
В самой орде предательство живет.

Хан

Тебя, батыр, не понимает хан.

Туйгун

За что наказан был Даанышман —
Твой самый верный, преданный слуга?

Что обнаружил в крепости врага!
И почему ходил весной в поход,
На родичей своих — соседний род,
Поддавшись убеждению вражьи слов?
Зачем казнил, не выслушав, послов?

Хан

Батыр не убедил меня пока.

Туйгун *(протягивает письмо)*

Прочти письмо. Знакома ли рука?

Предводитель *(про себя)*

Настал мой час, коль будет хан убит,
Считай, что ханство мне принадлежит.

Хан

Рука жены. Будь проклята судьба!

Туйгун *(обращаясь к Ниязу)*

Веди сюда гонца, Нияз-аба!

(Нияз ведет связанного Чабармана.)

Предводитель *(про себя)*

Я проиграл.

*(Предводитель стреляет из лука. Хан падает.
Туйгун, увидев предводителя, вытаскивает
меч.)*

Туйгун

Врагу пощады нет.
Пора держать предателю ответ.

Предводитель

Остановись и выслушай рассказ.
Ведь я тебя, Туйгун, от смерти спас.
Батыра хан намерен был убить.
Прими, батыр, в подарок право жить.

Туйгун

Есть грех, что для меня страшнее всех:
Предавший свой народ и землю. — Грех!

Предводитель

Глупцу попробуй только помоги,
Запишет он тебя в свои враги.

Туйгун

Ты ханом стать хотел, предав народ,
С тобой желанье подлое умрет,
Врагу не сдастся крепость никогда.
(Туйгун начинает бой с предводителем и
скоро наносит ему решающий, смертельный
удар. Затем обращается к Ниязу.)

Ступай и ханшу притащи сюда.
(Появляются с обнаженными мечами батыры
Нодор и Кайкы. За ними идут воины.)

Кайкы

Батыр Туйгун, я разглядел в пыли:
Отряды братьев движутся вдали,
Но промедленье гибели равно,
Какой-то пес с врагами заодно —
Ворота крепостные распахнул.
Там бой идет. Ты слышишь грозный гул?

Туйгун

Пора в седло. Друзья мои, ко мне!
Привык киргиз сражаться на коне.
В нас предков кровь священная течет.
Пусть смертен человек — бессмертен род.

Хор

Привычной нам сражаться на коне,
И чести не уронит на войне,
В ком предков кровь священная течет.
Пусть смертен человек — бессмертен род.
*(Все во главе с батырами устремляются
к воротам.)*

ЖИЗНЬ ВОДЫ

Репортаж

1

Взяв в райкоме путевку,
весною
я отправился на аэродром.
Был потертый портфельчик со мною
и тетрадь с авторучкою в нем.
В десять двадцать красавец ЯК-40
прямо к Ошу меня уносил.
Влево прянул ребристый пригорок,
вправо город в туман уходил.

Промелькнуло всего лишь мгновенье,
и уже — восемь верст от земли.

И уже — под крылом в отдаленьи
скал клыкастые гряды прошли.
Вот — зеленые изгорья мелькнули,
вот — сверкнули снега ледников...
Горы, вставшие, как в карауле,
что узнали за сотни веков?

Кто набросил на горы в задоре,
словно петлю аркана, Нарын?
Синева — Токтогульское море,
вслед — зеленые вспышки долин.
Кара-Куль проплывает под нами —
город тех, кто моря создает...
Над горами, лесами, лугами
самолет продолжает полет.
Над Курпсаем и Шамалды-Саем,
над плотинной, что бурный Нарын
перекрывает, за миг пролетаем,
мы за миг пролетаем один.
Трактор в поле...

Ребенок, кому-то
леткой машущий...

Как же хорош
край родной!

Гул стихает... Минута...
И встречает нас древний Ош.

2

Словно корабль среди синего моря,
среди города Сулейман-гора
поднялась, со стихиями споря,
грудь подставляя под все ветра.

Тянется прямо до Аравана,
алый флаг на вершине подняв.
Белая пена — клочья тумана —
падает на зелень трав.

Словно горячие аргамачи,
мчатся троллейбусы...

Всюду — жара.

Но, зажигая брызгами маки,
течет белогривая Ак-Буура.
Медленно крепкий чай попивая,
все бы сидел над рекой в чайхане.
Только мне выпала жизнь кочевая.
Только сегодня некогда мне.
Автовокзал... Просто — столпотворенье...
— Кто на Уаген?
— Эй, кому в Наукат?
Автомашинны дрожат в нетерпении.
Хлопают дверцы.

Шины шуршат.

Солнце все яростней припекает
и — ни малейшего ветерка.
Даже не верится, что протекает
где-то дарящая свежесть река.
Но отправляться и нашей машине
время пришло.
Хлопнул дверцей шофер.
Путь наш не близкий — к Папанской плотине.
И о плотине пошел разговор
со стариком, уютившимся рядом, —
как-то нечаянно пошел...
Узун-Мурун проводили мы взглядом,
следом Учар и еще десять сел.

— Я все старей, а земля все моложе, —
тихо сказал мне седой аксакал
(шрам на щеке проступил из-под кожи).
Встал аксакал и вокруг показал
правой рукою, а левой... (простите!)
нет у него — лишь рукав пиджака.
Старый солдат...
Солнце встало в зените.
Солнце, что он защитил на века.

— Прежде Папан горным озером было, —
так продолжал мой попутчик седой, —
землю папанскую щедро поило
чистой прозрачной студеной водой.
Нету воды — жизни как не бывало:
землю убьет, иссушая, жара.
В озеро то, как и нынче, текла
та же бурливая Ак-Буура.

Там же, где Ош,
простиралась пустыня —
мертвый запекшийся ржавый песок.
Чтобы река потекла так, как ныне,
многие люди старались, сынок.
Только все тщетно...

Могучие воды
не покорялись. Недвижен Папан.
Но вот исправить ошибку природы
взялся творивший добро великан.

И кетменем там, где нынче плотина,
он, размахнувшись, ударил плеча.

Вадрогнули горы. Вадохнула долина:
ринутись воды в долину, журча,—
к Тулейкену и Ошу — дорогой,
вырытой великаном среди скал.
Он же, скользнув по скале отлогой,
в созданное им ущелье упал...
Спутник замолк... И в стекло ветровое
долго смотрел...

Я воскликнул:

— Отец!

Грустный рассказ о могучем герое!

Грустный какой у легенды конец!

— Нет, не конец...

Вся земля задрожала —

на великана свалилась скала.

Только тут не конец, а начало:

жизнь стала светлой — легенда света.

Спутник откашлялся...

— Часто и ныне

видим в горах великаны следы:

дорог всем людям ожившей пустыни

добрый и смелый даритель воды.

Все благодарно несли великану

воду и хлеб, чтобы силы обрел.

И, наконец, великан тот воспрянул —

делать добро по планете пошел...

Конец рассказ...

Горы цветущие.

Стройки размах.

Мы въезжаем в ущелье.

Да! Здесь, друзья, не в почете безделье!
Труд здесь — за совесть, а не за страх.
Сдержанный говор бетономешалок.
Рокот бульдозеров, тракторов.
Да! Здесь бездельник воистину жалок.
Да! Здесь работают — будь здоров!

Нам мастер Пузин дает поясненья...

Вот на плотину рукой показал:

смотрим, разинувши рты в изумленье,

что за громада встает между скал!

Всюду работа...

И с каждым мгновеньем

ближе победные плески знамен...

И на все это глядит с удивленьем

белоголовая Олокон.

4

— Мастер, вы слышали о великане...

Я рассказал ему то, что в пути
сам услышал...

Он промолвил:

— Преданье

мудрое...

чтобы спасти

земли от засухи, новое море

мы создаем, чтобы капля воды

не пропадала...

И, думаю, вскоре

пашни с лихвой воздадут за труды.

Словно слова ей понравились эти,
шумно зашумела Ак-Буура.
Волны зашумели в солнечном свете,
и над рекой заскользили ветра.
То не вода берега распирает —
хлопок и хлеб, а совсем не вода.
Пенясь, впервые река исполняет
песню надежды и песню труда.

Поздно спустились со скал скалолазы.
Это — Култаев, Володин, Довгун...
Это — бригада Гулямова...

Сразу —
песни веселые, шуток — табун.
Вот они, нынешние великаны.
Вот они, покорители скал.
Им по плечу дерзновенные планы.
Сделают все, что народ наказал.

Всех веселя, улыбаясь цветенью,
шествует по стране моей март.
Стройка приблизилась к завершению —
стройка в горах за хребтом Кулунарт.
Слава строителям, слава!

И вскоре
синее море заплещется тут.
Да! В Киргизстане — новое море.
Морем Папанским его назовут!

РОДНИК И ОКЕАН

Поэма

— Кто ваш пир¹, акыны?
— Акын-Баа...

Кара

Из неведомых глубин,
Из незримых недр времен.
Вышел в этот мир акын,
Грезами воспламенен.
Время, как живой родник,
Омывало этот лик,
Ветер волосы взметал.
Духом был акын высок,
Много благородных строк
Он по свету разослал...
И от множества людей
Об акыне слышал хан.
Пригласив певца в орду,
Выслушать он хочет лести
И свои стихи прочесть...
Но доживший до седни
Честно отвечал акын:
«Государь, ты — не поэт...
Тот, в ком сердца вовсе нет.
Эти строки написал». —
Хан взглянул на простака,
Усмехнулся свысока,

¹ Пир — духовный владыка, властитель дум.

Отвернулся и, гневясь,
Отдал визирю приказ:
«Воля хана: пусть начнет
Строить крепость весь народ!
Дать акыну ишака,
Ведь поэт остыл слегка,
И для крепости моей
Пусть повозит он камней!»

Сколь безжалостна судьба:
То возносит до высот,
То внезапно в пыль швырнет!
Так упал Акын-Бава...

И строители сюда
Потекли со всех сторон.
Крепость грозная тверда,
Валом город обнесен.

Вновь акына повелел
Хан доставить в свой аил,
Чтобы ханские стихи
Оценил и похвалил.
Но доживший до седин
Снова повторил акын,
Молвил, не страшась судеб:
«Только тот, кто сердцем слеп,
Мог такой сложить напев...»
И проснулся ханский гнев,
И забегал хан, вскипев,
Челяди своей крича:
«Прочь гоните рифмача!
Больше в крепости моей

Рифмы плесть никто не смей!
Каждого, кто взял калам¹,
Лютой казни я предам.
Кто прочтет стихи... тому
Голову я с плеч сниму!
А вот этого глупца —
Гнать в пустыню из дворца!
Чтоб от имени его
Слух отвык,
Чтоб не видели глаза
Мерзкий лик!

...Вот акын, к угрозам глух,
Но от бедствий чуть живой,
Спит в песке, накрыт полой,
И валун — под головой...
Нет, не сломлен гордый дух!
Он все глубже проникал
В недра слова, в древний слой,
Он все дальше отплывал
В море мудрости былой.
И в изгнании не затих,
Мощно разгорелся стих.
С вольным ветром шла молва,
Ветер не заметил рва
И над крепостной стеной
Вихрем проносил слова...
Много миновало зим,
Стал акын совсем седым,
Времени он весть принес,
Жизни задал он вопрос.

¹ Калам — здесь: перо.

Разговор у стен крепости

I

Тук... тук... тук...

Эй, жизнь! Дверь мне скорей открой...

И у поэта, поверь, должен быть угол свой,

Приют под небом...

Оно — на всех живущих одно.

Участь моя такова:

Выговорить слова,

Которых жаждался народ...

Не всякому это дано.

Если не скажет поэт эти свои слова,

То оскудеет мысль,

Мудрость будет мертва.

И человеческий род станет намного бедней,

Больше уже не быть солнцу ярким таким,

И потускнеет огонь в чистых глазах детей —

Смелыми детям не быть, в рабстве вырасти им.

Сгинут деревьев плоды, станут черны и малы,

Ломкими станут ростки, и ослабеют стволы.

Влеклым, как зыбкий блик, мира покажется лик,

И роковая во всем будет неполнота.

...Эй, открывай ворота!

II

— Нет, акын, так воспарять не пытайся ты,

Тошно здесь и без тебя, вдоволь суеты.

Счастья ковш от меда пьян, полон до краев,

Горя каменный казан полон до краев.

У кого-то здесь — дворец, кто-то ищет кров.

Ох, придурок, обормот!
Мнишь себя любовью, рвань!
Нет, криплиться перестань,
Чушью свой не пачкай рот!
Уж сказал бы напрямик,
Что голодный ты бедняк,
Много ходит вас вокруг,
Разнесчастных горемык.
А скажи, что ты такой
Разобиженный судьбой
И не вскормленный землей,
А склонись ты предо мной,
Покоряясь господам,
Руки протни с мольбой,
Может, что-то и подам...
Ха-ха-ха!
Смешно, джигит,
Так смешно — живот болит...
Ладио, хватит! Прочь пошел!

V

— Жизнь, не лучшие слова
Ты сейчас произнесла!
Отчего ты не права
И когда ж ты стала зла?
От меня ты заперлась,
Но смотри: в крови веков
Плещется живая грязь...
Нет для нечисти замков.
Или не разобралась?
Как прокралась плесень в дом?
Как в характере твоём

Появилась эта спесь?
Погляди-ка в зеркала,
Ведь глаза твои больны,
И стекает пот с чела,
Ядовитей белины.
Что же ты с собой творишь?
Ведь отравишь ты себя,
Мраком все вокруг затмишь!
Каждый вздох твой ядовит...
Дверь открой,
Пусть всю тебя,
И взмывая и трубя,
Чистый ветер просквозит!

VI

— Ты погляди-ка на удалца,
Вот уж заходит с другого конца...
Только его к себе подпусти,
Сразу — за горло хватить!
Как бы еще не заставил стихи
Вместе с собой слагать.
Хочет, как тесто, меня месить,
Хочет из теста лепешки лепить,
Хочет лепешки горячими взять
И закусить!
Только послушай тебя, из слов
Мне ты уздечку совьешь,
Мигом взнуздаешь меня, и в седле
Будешь хорош.
Нет уж, прости!
Как ни хитри,
Здесь моя власть.

И без тебя
Я на земле
Вышла в царя,
Царствую всласть.
Значит, и даром не нужен ты мне,
Бедный рифмач.
Если обидны речи мои,
Лучше поплачь!

Хочешь, пляши,
Хочешь, кричи...

VII

Я — душа твоя, о жизнь!
Неподвластна смерти я,
И, подобная лучу,
Вечно над тобой лечу
И пространствами времен
И простором бытия.
Век твой лжив, но, веря в ложь,
От возмездья не уйдешь.
Горькой злобы не копи,
Не погибнешь ты в степи.
Нет конца твоим путям,
Множества прекрасных дней
Предстоит увидеть нам.
Если ты непустишь в дом,
В сердце поселюсь твоим.
Я — у городской черты,
Высока твоя стена.
Многого не знаешь ты
И еще темна, темна...
А пока, закон поправ,

Мне показывай свой нрав,
Надрывайся, угрожай,
Тяжким словом потрясай...

VIII

— Вот не думала-то я,
Что меня развеселят.
Сам ты с виду — дурачок,
А язык твой... смертный яд!
Так тебе же хуже, брат,
Поворачивай, не стой!
А еще чего-то минешь,
Корчишь из себя...

Смешно!

Так и знай, что ты, чтомышь,
Для меня — совсем одно.
Даже, если хочешь знать,
Лучшемышью прозябать,
Знает все:
И где украсть,
И кого бояться ей.
Место есть и есть еда,
Держится за свой амбар
И не верит в божий дар...

Впрочем, можешь иногда
Приходить в ненастный день,
Можешь в свой бессмертный храм
Отбирать, когда не лень,
Всякий человеческий хлам...
Что с тобою толковать!
Подлю! Речь твоя пуста.

Вечер — время запирасть.
За-а-крываю во-ро-та!
Эй, поберегись!

Одиночество

И остался я один
Средь безмолвия...
Стою
Между небом и землей.
Вспоминаю жизнь свою,
Врошенный в круговорот,
В бешеный поток веков...
Так дружину в поле ждет
Храбрый богатырь,
Таков
Одинокий звездочет,
Что созвездья стережет!
Я, как жемчуг, погружен
В глубину иных времен.
Чтоб найти меня опять,
Долго будешь ты нырять
В этот сумрачный затон.
Жизнь, люблю тебя, поверь!
От тебя не отрекусь!
Даже и не прекословь...
Ну, а станешь ты стара,
Застонет в жилах кровь,
Кожи грубая кора
В едких язвах будет сплошь,
И лекарства не найдешь,
Будешь ты в жару, в бреду,—
Вот когда к тебе приду!

Песнь последующих поколений

Акын-Бава, чье слово достигло океана,
Ты — крылья, что планету несут за окоем!
Дай нам твои дороги осилить без обмана,
Пусть выплачем глаза мы, мозоли наживем.
Пусть на твоих вершинах мы никнем бездыханно,
Пусть в горле хрип застынет и носом кровь
пойдет.

Но пусть твой дух накажет поздно или рано
Всех обменявших песню на деньги и почет.
Зато пусть вечно будет во мгле веков сохранно
Того акына имя, что сердца не жалел,
Пусть утверждает память слова его дастана,
И дух твой помогает свершенью славных дел!

Когда из этих истин мы исходить не будем
И сузим вдохновенье, как будто шаг в ходьбе,
Что мы тогда сумеем сказать усталым людям,
Какие уж мы станем преемники тебе?

Насыщенная правдой, пылающей в поэме,
Строка любую кривду пронзает на лету.
Писать стихи, ведь, значит,— открыться
перед всеми,
Явить и справедливость, и сердца чистоту.
Конь, прежде побеждавший на скачках
беспрестанно,

Однажды постареет, и жребий всех — таков...
А ну, акын, погромче ударь по барабану,
Стучись смелее в двери

будущих стихов!

СОДЕРЖАНИЕ

Строка. Перевод М. Синельникова 1

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мы на марше. Перевод В. Полуэктова	7
Возвращение. Перевод Я. Серпина	8
Молодость. Перевод М. Синельникова	8
Кони. Перевод М. Синельникова	9
Цветопраздник. Перевод М. Синельникова	10
«Нагнувшись, вижу муравьев ораву...» Перевод М. Синельникова	11
«Этот мир раскалился до самых глубин...» Перевод Н. Орловой	12
Романтика. Перевод М. Гриззани	13
Горы. Перевод М. Синельникова	13
На Пискаревском кладбище. Перевод М. Гриззани	15
«Я сижу степей, хребтов, крылатой воли...» Перевод М. Гриззани	17
Облака. Перевод М. Синельникова	17
Приглашение к надежде. Перевод М. Гриззани	18
Во времена. Перевод М. Синельникова	18
Откровение. Перевод А. Медведова	19
Черная звезда. Перевод М. Синельникова	21
Великое озеро. Перевод М. Синельникова	22
Цветы. Перевод М. Синельникова	23
Небо и земля. Перевод В. Шаенского	24
Путешествие. Перевод М. Синельникова	25
Гизада. Перевод В. Шаенского	27
Обращение. Перевод В. Полуэктова	27
Цель. Перевод М. Синельникова	29
Триптих. Перевод Н. Каримова	29
Гомо сапиенс. Перевод Н. Каримова	31
Вхожу я в жизнь. Перевод Н. Каримова	32
Юное чувство. Перевод В. Шаенского	32
Дети на празднике. Перевод В. Шаенского	33
«На Землю падают метеориты...» Перевод Е. Рейна	35
Ожидаемое событие. Перевод Н. Орловой	36
«Дождь-крестянин поливает землю внешней водой...» Перевод Н. Орловой	37
Усталость. Перевод Н. Орловой	37
Осеня. Перевод Я. Серпина	38
«Много спутников летает над Землей...» Перевод Н. Орловой	38
«Мы — подсолнухи, солнца веселые дети...» Перевод Н. Орловой	39
Я начинаю жить... Перевод Н. Орловой	40
Стихи об Арстанбапе. Перевод М. Синельникова	41
«Глядя на горы издали...» Перевод М. Синельникова	42
Края, которые сняты. Перевод М. Синельникова	43
«О мало певшем...» Перевод М. Синельникова	44

«Туча глянула, как ворог, из-за гор...» Перевод М. Синельникова	44
Тот год. Перевод Н. Орловой	45
Предостережение. Перевод Н. Орловой	46
Расставание с молодостью. Перевод Н. Орловой	47
Почет. Перевод М. Синельникова	48
«Ходит, смется — над нею сиянье!» Перевод В. Полуэктова	51
Мой Тулейкен. Перевод В. Полуэктова	52
Разговор с рекой Ак-Буура. Перевод В. Полуэктова	52
«Когда из-под снега проклянется...» Перевод Е. Рейна	53
Абширская сказка. Перевод М. Синельникова	54
Ташкент. Перевод Е. Рейна	57
«Ах, как часто, бывало, мы себе...» Перевод Н. Орловой	59
«Этой осенью иначе все...» Перевод Н. Орловой	60
«Взгляни: осенние поля...» Перевод Н. Орловой	60
На берегу реки. Перевод М. Синельникова	60
Кешок по вымершим родам. Перевод М. Синельникова	61
Песнь одиночества. Перевод Н. Орловой	62
История любви Айяра. Перевод В. Полуэктова	63
Красавица. Перевод Е. Рейна	64
«Где Кунгя хребты высоки...» Перевод М. Синельникова	65
«Есть высота и в смерти бесконечной...» Перевод Н. Орловой	65
«Дождь мой осенний, дождь проливной...» Перевод Н. Орловой	66
«Замерзает вода над озерами...» Перевод Н. Орловой	66
«За одну лишь ночь снег легко сошел...» Перевод Н. Орловой	67
«К верховью реки, сбегаящей вниз...» Перевод М. Синельникова	67
Зимний аял. Перевод М. Гриззани	68
«Как мне годы возратить...» Перевод Н. Орловой	68
Песнь любви. Перевод Е. Рейна	69
«Осталось детство майским шумным флагом...» Перевод М. Синельникова	70

ПОЭМЫ

Крепость. Драматическая поэма. Перевод Л. Латынина	72
Жизнь воды. Репортаж. Перевод А. Радковского	114
Родник и Океан. Поэма. Перевод М. Синельникова	121

Жолон Мамытов

РОДНИК И ОКЕАН

Стихотворения и поэмы

Перевод с киргизского

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор П. Леденев. Художник А. Мисюрев.
Художественный редактор Ю. Ким. Технический редактор
В. Комерова. Корректор Л. Михалькова.

ИБ № 2567

Сдано в набор 13. 12. 82. Подписано к печати 23. 05. 83.
Д-01051. Формат бумаги 70X90^{1/2}. Бумага типографская № 1.
«Литературная» гарнитура. Печать высокая, 4,25 физич. пе-
чатных листа, 4,97 условн. печатных листа, 5,04 учетно-изда-
тельских листа, 0,26 усл. кр.-отт. Тираж 6000. Заказ № 8.
Цена 25 коп.

Издательство «Мектеп».

720061, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР

Госкомиздата Киргизской ССР.

720461, ГСП, Фрунзе, 3, ул. Жигулевская, 102.

10c

25 коп.